

Могу ли я познать волю Божью?

Ключевые вопросы

Р. Ч. СПРОЛ

Роберт Спрол

Могу ли я познать волю Божию?

Перевод с английского

Благая весть
Самара, 2026

УДК 321.5
ББК 86.37-4
С 74

Robert C. Sproul
Can I Know God's Will?

Переводчик: А. Аубакиров
Верстка и дизайн обложки: М. Литвинова

Спрол Р.

С 74 Могу ли я познать волю Божью? : пер. с англ. / Роберт Спрол; Самара : Благая Весть, 2026. — 112 с.

ISBN 978-5-7454-2025-2

УДК 321.5
ББК 86.37-4

Цитаты из Библии, если не указано иное, даны по Синодальному переводу. Цитаты по изданию «Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа» (пер. с греч. под ред. епископа Кассиана. М.: Рос. библ. о-во, 2001) помечены «Кассиан». Цитаты по изданию «Библия: Новый перевод на русский язык» (4-е изд. Б. м.: Международ. библ. о-во, 2014) помечены «НРП».

Originally published by Ligonier Ministries

421 Ligonier Court, Sanford, FL 32771

ru.Ligonier.org

Translated by permission. All rights reserved.

Originally published in English under the title:

Can I Know God's Will?

© 2019 by R.C. Sproul

© 2026 Благая весть

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1	Смысл воли Божьей.....	5
ГЛАВА 2	Смысл воли человеческой.....	39
ГЛАВА 3	Воля Божья и ваше призвание	67
ГЛАВА 4	Воля Божья в браке.....	93

Глава первая

Смысл воли Божьей

Заблудившись в Стране чудес, Алиса дошла до развилки. Скованная страхом, она застыла в нерешительности. Алиса подняла глаза в поисках указания, но взгляд ее не нашел Бога: только Чеширский кот ухмылялся с ветки над головой.

— Куда мне идти? — вырвалось у Алисы.

— Куда скажешь, — сказал кот, устремив саркастическую улыбку на растерявшуюся девочку.

— Скажу что? — едва вымолвила Алиса.

— Куда ты хочешь прийти?

— Я не знаю, — пробормотала Алиса.

— Тогда, — сказал кот, и его ухмылка стала шире, — совершенно не важно, куда идти.

Для христианина важен пункт назначения. Мы — народ странников. Хотя мы не скитаемся в пустыне на пути в Землю обетованную, мы ищем лучшего отечества — вечного города, Художник

и Строитель которого Бог. Настанет день, и Он приведет нас домой, в Свое Царство.

Итак, конечная цель ясна. Мы уверены, что народ Божий ожидает славное будущее. Но что будет завтра? Нам неизвестны подробности нашей жизни на этой земле, и тревога о ближайшем будущем не чужда нам, как и неверующим. Подобно детям мы спрашиваем: «Буду ли я счастлив? Стану ли богатым? Что со мной будет?» Мы должны идти верою, а не видением.

На всем протяжении человеческой истории существовали прорицатели и колдуны, которые наживались на человеческих тревогах. Если древнейшей профессией в мире считается проституция, то гадание о будущем, несомненно, занимает второе место. «Поведай мне о завтрашнем дне» — вот мольба биржевого спекулянта, амбициозного предпринимателя, спортивного аналитика и влюбленной молодой пары. Студент спрашивает: «Сдам ли я экзамен?» Сотрудник озадачен вопросом: «Получу ли я повышение?» Человек в приемной врача переживает: «Это рак или простое недомогание?» Люди изучали внутренности ящериц, змеиную кожу, совиные кости, карты таро, ежедневный гороскоп и прогнозы

спортивных букмекеров — все в надежде хоть как-то защититься от неизвестного будущего.

Христианин испытывает то же любопытство, но формулирует вопрос иначе. Он спрашивает: «Какова воля Божья для моей жизни?» Поиск воли Божьей может быть как упражнением в благочестии, так и проявлением нечестия, как актом смиренной покорности, так и вопиющей самонадеянности, — в зависимости от того, какой воли Божьей мы ищем. Пытаться заглянуть за завесу того, что Богу не было угодно открыть, — значит посягать на святое, выходящее за дозволенные пределы. Кальвин говорил, что, когда Бог «закрывает Свои святые уста»¹, нам следует прекратить расспросы.

С другой стороны, Бог с радостью слышит молитвы Своего народа, когда Его спрашивают: «Господи, чего Ты хочешь от меня?» Так христианин ищет Божьих повелений, стремясь познать, какой путь Ему угоден. Такой поиск Божьей воли — святое призвание каждого благочестивого человека, и мы должны совершать его с усердием.

---

¹ *Commentaries on the Epistle of Paul the Apostle to the Romans*, trans. and ed. John Owen [reprint, Grand Rapids, Mich.: Baker Book House. 2003], 354.

Библейский смысл воли Божьей

Мы жаждем простых ответов на трудные вопросы. Мы хотим ясности. Мы стремимся пробиться сквозь путаницу к самой сути. Порой ответы сами по себе достаточно просты, но путь к ним труден и извилист. Порой же ответы оказываются упрощенными, давая лишь временное облегчение от давления и бремени сбивающих с толку вопросов.

Однако есть большая разница между *простым* ответом и *упрощенным*. Простой ответ верен: он учитывает все данные, содержащиеся в сложной проблеме, ясен и может быть легко понят во всей своей полноте. Он выдержит испытание и устоит перед строгими вопросами. Упрощенный ответ — подделка. Снаружи он выглядит как подлинник, но при более пристальном рассмотрении обнаруживает свои фальшивые изъяны. Он может учитывать часть данных, но не все, и остается туманным. Хуже всего то, что он не выдержит испытания, а рассыплется перед более глубокими вопросами. Он не способен по-настоящему удовлетворить.

Один из наиболее сложных вопросов в богословии: «Почему пал Адам?» Широко распространен-

ный упрощенный ответ таков: Адам пал по собственной свободной воле. Такой ответ удовлетворяет до тех пор, пока мы не начинаем исследовать вопрос глубже. Предположим, мы спросим: «Как праведное существо, созданное совершенным Творцом, могло согрешить? Как Адам мог выбрать зло, не имея никакой предшествующей склонности ко злу? Был ли он просто обманут или принужден сатаной? Если так, то за что Адам заслуживает порицания?» Если он был лишь обманут, вся вина лежит на сатане. Если принужден — это не был свободный выбор. Если же он согрешил, имея предшествующее желание или склонность ко греху, мы должны спросить: «Откуда взялось это злое желание? Не Бог ли вложил его?» Если так, мы бросаем тень на благость Творца.

Пожалуй, простейший способ обнажить слабость упрощенного ответа — поставить вопрос иначе: «Почему Адам употребил свою свободную волю на грех?» Совершенно недостаточно ответить: «Потому что он так решил». Это лишь повторение вопроса в утвердительной форме.

Я хотел бы предложить простой ответ на трудный вопрос о падении Адама, но не могу. Единственное, что я могу сказать, — я не знаю.

Некоторые читатели, несомненно, упрекнут меня здесь, сказав: «Я знаю ответ! Адам пал потому, что такова была воля Божья».

Я немедленно задам следующий вопрос: «В каком смысле падение Адама было Божьей волей? *Принудил* ли Бог Адама пасть, а затем наказал его за то, чего тот не мог избежать?» Задать столь нечестивый вопрос — значит уже ответить на него. Разумеется, падение было «волей Божьей» в каком-то смысле, но решающий вопрос остается: «В каком именно?»

Итак, мы предстаем перед острым вопросом, затрагивающим самую суть воли Божьей. Мы хотим понять, как она действовала в жизни Адама; но, что еще важнее для каждого из нас лично, — как она действует в нашей собственной жизни.

Полезное правило для решения сложных и трудных вопросов — собрать как можно больше данных. Чем больше улик у детектива, тем легче, как правило, раскрыть преступление — с оговоркой на «как правило». Порой детектив страдает от избытка улик, которые лишь усугубляют трудность решения. Руководитель компании, несущий ответственность за важные решения, знает цену достаточным данным и надлежащему учету. Его девиз может быть таким:

«Если данных достаточно, решения сами собой напрашиваются» — и снова с оговоркой «как правило». Порой данных так много, и они так противоречивы, что вместо ясности приносят лишь смятение.

Я особо подчеркиваю данные, сложность и простоту, поскольку библейский смысл воли Божьей — предмет весьма непростой. Подходить к нему упрощенно — значит навлекать на себя беду. Порой, чтобы разобраться со всеми нюансами библейского понятия Божьей воли, нам потребуется не одна таблетка от головной боли. Но это святое призвание, стоящее всех наших усилий. Мы должны остерегаться упрощенного подхода, чтобы не превратить святое призвание в нечестивую самонадеянность.

С самого начала заметим, что Библия говорит о «воле Божьей» не в одном смысле. В этом и состоит ключевая проблема, осложняющая наш поиск и предостерегающая от упрощенных решений. В Новом Завете существуют два греческих слова, которые можно перевести словом «воля». Казалось бы, достаточно точно определить значения этих двух слов и каждый раз проверять греческий текст, когда мы встречаем слово «воля», — и наши трудности будут разрешены. Увы, все обстоит не

так просто. Картина усложняется тем, что у каждого из двух греческих слов есть несколько оттенков значения. Простой проверки греческого текста недостаточно для разрешения нашей трудности.

Тем не менее выяснение значений греческих слов — полезная отправная точка. Кратко рассмотрим их, чтобы увидеть, проливают ли они какой-либо свет на наш поиск. Это слова *boulē* и *thelēma*. Слово *boulē* восходит к древнему глаголу, означающему «рациональное и осознанное желание», в отличие от *thelēma*, означающего «импульсивное или неосознанное желание». Древнее различие состояло между желанием рациональным и желанием импульсивным. Однако по мере развития греческого языка это различие сглаживалось, и в конечном счете слова стали употребляться как синонимы, причем авторы переходили от одного к другому в стилистических целях.

В Новом Завете *boulē* обычно указывает на замысел, основанный на тщательном обдумывании; оно употребляется чаще всего применительно к совету Божьему. *Boulē* нередко обозначает промыслительный план Бога — predetermined и неизменный. Лука часто употребляет это слово именно так,

как мы читаем в Деяниях: «Его, по определенному совету [*boulē*] и по предведению Божию преданного, вы взяли и, пригвоздив руками беззаконных, убили» (Деян. 2:23). Здесь речь идет о непреклонном решении Бога, которое никакое человеческое действие не может упразднить. Замысел Бога неприступен, Его «воля» — неизменна.

Слово *thelēma* богато разнообразием значений. Оно указывает на то, что угодно, что желаемо, что избрано или что заповедано. Здесь присутствуют понятия согласия, желания, намерения, решимости и повеления. Сила каждого из значений определяется контекстом, в котором употребляется *thelēma*.

Предопределяющая воля Божья

Богословы называют «предопределяющей волей Божьей» то, что Бог суверенно определяет к совершению. Она также известна как «суверенная действительная воля», или «Божий промысел» — та воля, посредством которой Бог осуществляет все, что Ему угодно. Ничто не может воспрепятствовать тому, что Он определил. Когда Бог повелел воссиять свету, тьма была бессильна воспротивиться — и свет восси-

ял. Бог не убеждал свет сиять. Он не вступал в переговоры с силами стихий, чтобы сотворить вселенную. Он не достиг замысла искупления методом проб и ошибок; крест не был вселенской случайностью, использованной Господом. Все это было определено безусловно — следствия были действенными, потому что причины были суверенно predetermined.

Серьезная опасность грозит тем, кто ограничивает смысл воли Божьей одной лишь суверенной волей. Здесь слышен мусульманский возглас: «На то воля Аллаха». Мы порой также соскальзываем в детерминистический взгляд на жизнь: «Que será, será» — «Чему быть, того не миновать». Поступая так, мы принимаем нехристианскую форму фатализма, как будто Бог определил все происходящее таким образом, что человеческий выбор попросту упраздняется.

Классические богословы настаивают на том, что человеческая воля реальна: люди подлинно действуют, выбирают и реагируют. Бог осуществляет Свой замысел *посредством* подлинных решений действующих созданий, обладающих волей. Первичные причины не отменяют вторичных. Отрицать это — значит принять детерминизм, упраздняющий человеческую свободу и достоинство.

И все же существует суверенный Бог, воля Которого превыше нашей. Его воля ограничивает мою; моя не может ограничить Его. Что Он определил — то совершится, независимо от моего желания или выбора. Он суверенен. Я подчинен.

Предписывающая воля Божья

Когда Библия говорит о воле Божьей, она не всегда подразумевает предопределяющую волю. Предопределяющая воля Божья не может быть нарушена или отвергнута — она совершится. С другой стороны, существует воля, которая может быть нарушена: «предписывающая (или заповедующая, моральная) воля Божья». И действительно, каждый из нас нарушает и отвергает ее каждый день.

Предписывающая воля Божья содержится в Его законе. Предписания, уставы и заповеди, которые Он дает Своему народу, составляют предписывающую волю — они открывают нам, что мы должны делать. Предписывающая воля Божья — это правило праведности для нашей жизни, которому мы призваны следовать. Божья воля в том, чтобы мы не грешили: чтобы не имели других богов, любили

ближнего, как самих себя, не завидовали, воздерживались от воровства и прелюбодеяния. Однако мир полон идолопоклонства, ненависти и всякого беззакония. Волю Божию нарушают всякий раз, когда преступают Его закон. Одна из величайших трагедий современного христианства в том, что столь многие христиане поглощены сокровенной предопределяющей волей Божьей в ущерб воле предписывающей. Мы хотим заглянуть за завесу, уловить мимолетный образ нашего личного будущего. Мы, по-видимому, более озабочены нашим гороскопом, нежели послушанием, более заняты движением звезд, нежели состоянием собственной души.

По отношению к суверенной воле Бога мы пассивны. По отношению к Его предписывающей воле — активны, а значит, ответственны и подотчетны. Куда легче нечестиво вторгаться в сокровенный совет Божий, нежели стремиться к благочестию. Укрываясь за суверенной волей, мы пытаемся переложить свой грех на Бога — возложить на Его неизменную волю то бремя ответственности, которое лежит на нас. Подобное отношение характеризует дух антихриста — дух беззакония, или антиномизма, который презирает закон Божий и пренебрегает Его предписаниями.

Протестанты особенно уязвимы перед этим искажением. Мы дорожим учением об оправдании одной лишь верою — и забываем, что именно оно должно побуждать нас к праведности и послушанию предписывающей воле Божьей. Знаменитое изречение Аввакума «праведный своею верою жив будет» (Авв. 2:4) трижды звучит в Новом Завете. Оно стало лозунгом евангельского протестантизма — движения, в центре которого стоит оправдание одной лишь верой. В этом лозунге — ключ к самой сути христианской жизни, и ключ этот — библейское понятие праведности.

Вызывают ли в вас тревогу эти слова Иисуса: «Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (Мф. 5:20)? Легко предположить, что Он говорил о качестве праведности: наша должна быть иной, нежели праведность явных лицемеров. Действительно, в новозаветных текстах книжники и фарисеи предстают беспринципными и жестокими служителями религиозного обмана. Однако исторически фарисеи были людьми, приверженными весьма высоким стандартам праведной жизни. Тем не менее Иисус говорит, что наша праведность должна превзойти их. Что Он имел в виду?

Библейское понятие праведности касается практически каждого уровня богословия. Прежде всего, существует праведность Бога — тот эталон, которым измеряется все правое и неправое. Характер Бога есть конечное основание и образец праведности. В Ветхом Завете праведность определяется через послушание заповедям Бога, Который Сам всесовершенно праведен. Эти заповеди охватывают не только поведение человека по отношению к ближним, но и вопросы богослужебного и обрядового характера.

В ветхозаветном Израиле и среди новозаветных фарисеев богослужебная праведность подменила подлинную. Люди довольствовались исполнением обрядов, уклоняясь от более широких требований закона. Иисус обличал фарисеев за то, что они давали десятину с мяты и тмина, но пренебрегали важнейшим в законе — справедливостью, милостью и верностью. Они были правы, давая десятину, но глубоко заблуждались, считая богослужебные обязанности исполнением всего закона. Обряд стал для них убежищем от подлинного послушания.

В евангельской среде слово «праведность» встречается на удивление редко. Мы охотно говорим о нравственности, духовности и благочестии,

но редко — о праведности. Однако именно она, а не благочестие и не духовность, является целью нашего искупления. Духовность в новозаветном понимании — лишь средство для ее достижения. Быть духовным — значит пользоваться духовными дарами благодати, которые Бог дает нам, чтобы преобразить нас в образ Своего Сына. Молитва, изучение Писания, церковное общение, благовестие и прочие дисциплины — не самоцель, а путь к праведной жизни. Если мы считаем духовность конечной целью христианского пути, наш рост неизбежно останавливается.

Заботы о духовном — лишь отправная точка нашего хождения с Богом. Мы должны остерегаться тонкой опасности — считать, что духовность исчерпывает все требования Христа. Именно в такую ловушку попали фарисеи, подменив подлинную праведность богослужебной и обрядовой деятельностью. Да, мы должны молиться, изучать Писание и свидетельствовать о Христе. Но ни на каком этапе жизни в нас не должно угасать стремление к праведности.

В оправдании мы становимся праведными перед Богом — благодаря покрову праведности Христо-

вой. Но с момента оправдания наша жизнь должна являть личную праведность, которая из него вытекает. Примечательно, что все библейское понятие праведности охватывается одним греческим словом — *dikaios*. Оно используется и для описания праведности Самого Бога, и для того, что мы называем оправданием, и для праведности повседневной жизни. Так от природы Бога до обязанности человека протягивается единая нить: призыв к праведности, который остается неизменным.

Подлинную праведность никогда не следует смешивать с самооправдностью. Поскольку наша праведность проистекает из оправдания, основанного исключительно на праведности Христа, мы не должны обольщаться, будто наши праведные дела обладают какой-либо собственной заслугой. Вместе с тем мы, протестанты, ревностно хранящие учение об оправдании одной лишь верою, должны твердо помнить: оправдание, которое приходит только через веру, никогда *не остается только верой*. Истинная вера непременно проявляет себя в праведности — той, что превосходит праведность фарисеев и книжников, потому что она устремлена к главному в законе: справедливости и милости.

Мы призваны свидетельствовать о праведности Бога во всех сферах жизни — от молитвенной комнаты до залов суда, от церковных скамей до торговых площадей. Первостепенный призыв Иисуса — искать прежде всего Царства Божьего и Его праведности. Все остальное приложится к этому.

Аллергия на ограничения

«Пусть каждый занимается, чем хочет» — этот расхожий лозунг шестидесятых как нельзя точно отражает дух нашего времени. Свободу все больше понимают как неотъемлемое право делать все, что заблагорассудится, — и это рождает стойкую аллергию на любые ограничивающие законы, будь то законы Бога или законы людей.

Это повсеместное антизаконническое, или антиномистское, настроение напоминает библейскую эпоху, навлекшую на себя Божий суд, — эпоху, когда «каждый делал то, что казалось ему справедливым» (Суд. 17:6). В светском мире это настроение выражается привычной фразой: «Правительство не может законодательно регулировать нравственность». Нравственность при этом считается част-

ным делом, лежащим вне компетенции государства — и даже церкви.

Между тем в значении этих слов произошло настолько незаметное смещение, что многие его просто не уловили. Изначально фраза означала лишь одно: закон, запрещающий тот или иной вид деятельности, *не обязательно* положит ему конец. Иными словами, законы сами по себе не порождают послушания. Более того, в ряде случаев законодательный запрет лишь подстегивал нарушения. Красноречивый пример тому — «сухой закон».

Современное понимание законодательного регулирования нравственности разительно отличается от первоначального. Раньше говорили: правительство *не может* эффективно регулировать нравственность законом. Теперь говорят: оно *не вправе* этого делать. Подразумевается, что государство должно полностью устраниваться от нравственных вопросов — будь то регулирование аборт, извращенных сексуальных практик, брака или развода, — поскольку нравственность относится к сфере личной совести и частной жизни. Любое законодательное вмешательство государства в эти сферы все чаще воспринимается как посягательство

на частную жизнь и ущемление основных свобод личности.

Если довести этот образ мышления до логического конца, государству останется совсем мало дел. Если оно не вправе законодательно регулировать нравственность, его функции сведутся разве что к утверждению цветов государственного флага, гимна и, пожалуй, национальной птицы. (Впрочем, даже этот вопрос могут объявить «нравственным» — ведь он затрагивает экологию, а экология по своей природе есть область нравственности.) Дело в том, что подавляющее большинство законодательных вопросов имеет выражено нравственное измерение. Регулирование убийств, краж, гражданских прав — все это вопросы нравственности. Даже то, как человек ведет машину на шоссе, является нравственной проблемой: от этого зависит безопасность других участников дорожного движения.

В дискуссиях о легализации марихуаны нередко звучит такой аргумент: закон нарушает большинство людей определенных возрастных групп — а значит, столь массовое непослушание само по себе свидетельствует о том, что закон плох. Однако

подобный вывод — откровенный *non sequitur* (нелогичное заключение). Вопрос о декриминализации марихуаны не может и не должен решаться исходя из масштабов гражданского неповиновения.

Суть в том, что в вопросе марихуаны огромное число американцев демонстрирует антиномистский дух. Вряд ли это непослушание продиктовано благородным стремлением к более высокой этике, которую подавляет тираническое правительство. Закон здесь нарушается из соображений удобства и в угоду физическому влечению.

В церкви дух антиномизма также слишком часто берет верх. Папа Бенедикт XVI столкнулся с неловким наследием своих предшественников, когда ему пришлось объяснять миру, почему большинство его американских последователей сообщают в опросах, что прибегают к искусственным методам контрацепции — вопреки прямому запрету папской энциклики. Невольно задаешься вопросом: как можно исповедовать веру в «непогрешимого» главу своей церкви — и при этом упорно отказываться ему повиноваться?

В протестантских церквях призыв к нравственной ответственности нередко вызывает раздраже-

ние. Люди заявляют, что церковь не вправе вмешиваться в их личную жизнь — и это несмотря на то, что, вступая в церковь, они публично обязались подчиняться ее нравственному надзору.

Антиномизм должен был бы встречаться в евангельской среде реже, чем где бы то ни было. К сожалению, факты расходятся с теорией. Типичный евангелик столь безразличен к закону Божьему, что пророчества о гибели, которые Рим обрушивал на Мартина Лютера, начинают сбываться на деле. Некоторые евангелики и впрямь используют оправдание одной лишь верой как разрешение на грех — таких можно по праву назвать лишь псевдоевангеликами. Между тем каждый, кто имеет хотя бы начальное понимание оправдания верой, знает: подлинная вера всегда проявляет себя в ревностном стремлении к послушанию. Ни один искренний христианин не может относиться к закону Божьему с пренебрежением. Послушание не приносит оправдания — но оправданный непременно будет к нему стремиться.

Безусловно, бывают случаи, когда законы людей вступают в прямое столкновение с заповедями Бога — и тогда христиане не просто *вправе* не

подчиняться людям, но *обязаны* это делать. Однако я говорю здесь не об отдельных нравственных коллизиях, а об общем духе и внутренней установке. В эпоху повсеместного антиномизма христиане должны быть особенно бдительны, чтобы не увлечься духом времени. Мы не вольны делать то, что правильно в наших собственных глазах. Мы призваны делать то, что правильно в Его.

Свободу не следует смешивать с автономией. Пока в мире существует зло, нравственное ограничение закона остается необходимостью. Установление Богом государственной власти — это акт благодати: она дана для обуздания злодея и защиты невинных и праведных. Праведные призваны поддерживать ее — в той мере, в какой это не требует жертвовать послушанием Богу.

Воля Божья как расположение (диспозициональная воля)

Признавая, что предопределяющая и предписывающая воля Божья являются частью Его всеобъемлющей воли, мы сталкиваемся с иными гранями тайны Его суверенности. Одна из таких граней —

«воля как расположение». Она связана со способностью человека нарушать предписывающую волю Бога.

Этот аспект воли Божьей указывает на то, что угодно и приятно Богу — он выражает Его отношение к Своим созданиям. Одни вещи «благоугодны пред Ним», другие же огорчают Его. Он может разрешать злу совершаться — но не в смысле нравственного одобрения: это ничуть не означает, что Он им доволен.

Чтобы наглядно показать, как различные аспекты воли Божьей влияют на толкование Писания, обратимся к стиху, в котором говорится, что Господь «не желает, чтобы кто погиб» (2 Пет. 3:9). Какое из рассмотренных значений воли соответствует этому тексту? И как меняется его смысл в зависимости от того, какой оттенок значения мы к нему применяем? Попробуем сначала посмотреть в свете предопределяющей воли. Тогда стих означал бы: «Бог не желает в суверенном предопределяющем смысле, чтобы кто-либо погиб». Из этого следовало бы, что никто не погибает, — и стих превратился бы в доказательный текст для универсализма с его идеей совершенно пустого ада.

Второй вариант: Бог не желает в предписывающем смысле, чтобы кто-либо погиб, — то есть *не дает* нравственного дозволения на гибель людей. Однако это явно противоречит контексту отрывка.

Третий вариант куда убедительнее. Бог не желает гибели людей в том смысле, что внутренне не расположен к этому и не находит в ней удовольствия. В других местах Писание прямо говорит: Бог не радуется смерти нечестивых. Он может определять то, чего Сам не желает, — то есть воздавать справедливость нечестивым. Он доволен, когда вершится правосудие и чтится праведность, — но личного удовольствия от подобного наказания не испытывает.

Человеческую аналогию можно найти в наших судах. Судья может вынести преступнику обвинительный приговор — во имя правосудия — и вместе с тем внутренне скорбеть о нем. Его расположение может быть обращено *к человеку*, но против преступления.

Однако Бог — не просто человеческий судья, связанный рамками системы уголовного правосудия. Бог суверенен и волен делать все, что Ему угодно. Если Ему неуютно, чтобы кто-либо погиб, почему Он не осуществляет Свою предопределяющую

волю соответствующим образом? Как вообще возможен разрыв между предопределяющей волей Бога и Его волей как расположением?

При прочих равных условиях Бог действительно желает, чтобы никто не погиб. Но прочие условия не равны. Грех реален. Грех нарушает святость и праведность Бога. Бог желает также, чтобы грех не оставался безнаказанным, а Его святость была оправдана. Говорить о конфликте желаний внутри Бога опасно — и все же в определенном смысле мы вынуждены это делать. Он желает послушания Своих созданий. Он желает их благополучия. Между послушанием и благополучием существует в конечном счете глубокая симметрия: послушное дитя никогда не погибнет. Те, кто исполняет предписывающую волю Бога, пользуются благами Его воли как расположения. Когда же предписывающая воля нарушается, прочие условия перестают быть равными — и тогда Бог требует наказания, не находя при этом удовольствия в его исполнении.

Это подводит нас к главному вопросу: где здесь место предопределяющей воли? Не мог ли Бог изначально определить, чтобы никто никогда не был способен согрешить, — обеспечив тем самым веч-

ную гармонию всех аспектов Своей воли: предопределяющей, предписывающей и диспозициональной?

Ответ на этот вопрос нередко оказывается поверхностным. Делают апелляции к свободной воле человека, как будто она способна по волшебству разрешить эту дилемму. Нам говорят: единственный способ сотворить вселенную, гарантированно свободную от греха, — это создать существ без свободной воли, но такие существа были бы не более чем марионетками, лишенными подлинной человечности. Однако если это так, что подобный ответ говорит нам о нашем существовании на небесах? Нам дано обещание: когда искупление завершится, греха больше не будет. У нас по-прежнему останется способность выбирать, но наше расположение будет столь склонено к праведности, что мы никогда не изберем зла. Если это возможно на небесах после искупления — почему это не могло быть возможным *до* грехопадения?

Библия не дает ясного ответа на этот острый вопрос. Нам сказано, что Бог сотворил людей, которые — к добру или к худу — наделены способностью грешить. Из Писания мы также знаем, что в характере Бога нет «ни тени перемены» и что все

дела Его облечены в праведность. Почему Он избрал сотворить человека именно таким — остается тайной; однако, исходя из того, что нам открыто, мы должны верить: замысел Бога был благим. Никакое кажущееся противоречие между Его заповедями, Его желанием нашего послушания и нашим несоответствием им не колеблет Его суверенности.

Сокровенная и открытая воля Божья

Мы уже провели различие между тремя видами воли Божьей: предопределяющей, предписывающей и диспозициональной. Теперь необходимо установить еще одно — между сокровенной, или тайной, волей Бога и Его волей открытой. Сокровенная воля относится к предопределяющей, поскольку по большей части остается нам неоткрытой. Существует предел тому откровению, которое Бог дал о Себе. Нам известно кое-что о предопределяющей воле Бога — то, что Ему было угодно сообщить в Священном Писании. Но будучи существами ограниченными, мы не способны постичь всю полноту Божественного знания и Божественного замысла. Как учит Писание: «сокрытое

принадлежит Господу, Богу нашему, а открытое — нам и сынам нашим вовек» (Втор. 29:29).

Протестантские богословы проводили различие между сокрытым Богом (*Deus absconditus*) и открытым Богом (*Deus revelatus*). Это различие ценно и необходимо: не все познаваемое о Боге было нам открыто. В каком-то смысле Бог остается сокрытым, поскольку Ему не было угодно открыть все, что можно знать о Нем. Однако это различие таит в себе опасность: некоторые усматривали в нем противоречие между двумя богами. Бог, открывающий Свой характер как одно, но втайне этому противоречащий, был бы верховным лицемером.

С другой стороны, если утверждать, что у Бога нет никакой сокрытой воли и что Его намерения ограничены только Его заповедями, то получается, что люди своими действиями постоянно расстраивали Его желания и планы. Такой бог был бы бессильным — и вовсе не богом.

Проводя различие между сокровенным и открытым аспектами Бога, мы должны рассматривать их как части единого целого, а не как противоречия. То, что Бог открыл о Себе, заслуживает доверия. Наше знание частично — но истинно в той мере, в какой

оно дано. То, что принадлежит сокровенному совету Бога, не противоречит характеру, который Он открыл нам. Различие между открытой и сокровенной волей Бога поднимает важный практический вопрос: возможно ли для христианина действовать в согласии с предопределяющей волей Бога и одновременно противодействовать Его предписывающей воле?

Мы должны признать, что в каком-то смысле — да. По предопределяющей воле Бога и по Его определенному совету Иисус Христос был осужден умереть на кресте — чтобы обеспечить искупление Своего народа. Однако этот замысел был скрыт от тех, кто вершил над Ним суд. Когда Понтий Пилат предал Его на распятие, он действовал против предписывающей воли Бога — но в согласии с Его предопределяющей волей. Делает ли это предписывающую волю Бога бессмысленной? Отнюдь нет. Напротив, это свидетельствует о трансцендентной силе Бога — осуществлять Свои цели суверенно: вопреки злым делам людей и через них.

Обратимся к истории Иосифа, брата которого из зависти и корысти продали невинного брата в египетское рабство. При воссоединении, когда брата исповедали свой грех, Иосиф ответил: «Вы умыш-

ляли против меня зло; но Бог обратил это в добро» (Быт. 50:20). Вот непостижимое величие Божьего провидения. Бог обратил человеческое зло на служение Своим целям — в отношении Иосифа и всего еврейского народа. Братья Иосифа были виновны в преднамеренном и злоумышленном грехе: прямо нарушив предписывающую волю Бога, они согрешили против брата и против Самого Бога. И все же именно через их грех был осуществлен сокрытый замысел Бога — и Он принес через него искупление.

Что если бы братья Иосифа были послушны? Иосиф не был бы продан в рабство и не попал бы в Египет; не оказался бы в темнице, из которой был призван истолковать сон; и в итоге не стал бы советником фараона. Тогда не было бы причины для переселения братьев в Египет. Не было бы еврейского поселения в Египте — не было бы Моисея, не было бы исхода, не было бы закона, не было бы пророков, не было бы Христа, не было бы спасения.

Можем ли мы, следовательно, заключить, что грехи братьев Иосифа были скрытыми добродетелями? Ни в коей мере. Их грех был грехом — явным нарушением предписывающей воли Бога, за которое они несли полную ответственность и были

признаны виновными. Но Бог извлек добро из зла. Это свидетельствует не о противоречии в характере Бога и не о противоречии между Его предписаниями и Его планами — но о трансцендентной силе Его суверенности.

Возможно ли для нас сегодня исполнять предписывающую волю Бога и при этом находиться в противоречии с Его сокровенной волей? Разумеется. Предположим, например, что Бог в Своем замысле решил использовать иностранную державу для наказания Соединенных Штатов за грехи против Него. Возможно, Его определением предусмотрено, чтобы американский народ был приведен под суд посредством агрессивного вторжения Китая. С точки зрения непостижимой воли Бога, Он мог бы в целях суда быть «на стороне Китая». И все же гражданские власти американского народа должны были бы противостоять этому вторжению. Это их прямая обязанность.

Параллель этому мы находим в истории Израиля: Бог использовал вавилонян как жезл для наказания Своего народа. В той ситуации гражданским властям Израиля было бы вполне уместно противостоять нечестивому нашествию — хотя тем самым они фактически противостояли бы предопределяющей

воле Бога. Книга пророка Аввакума пытается осмыслить именно эту острую проблему: как Бог может использовать нечестивых людей для суда над Своим народом? Это отнюдь не означало, что Бог благоволил вавилонянам: Он ясно дал понять, что суд падет и на них — но прежде Он использует их злые намерения, чтобы наказать и исправить Свой народ.

Познание воли Божьей для нашей жизни

Стремление к познанию воли Божьей — не абстрактное умствование, призванное питать то знание, которое «надмевает», но не назидает. Понимание воли Божьей крайне необходимо каждому христианину, желающему жить жизнью, угодной Господу. Христианин спрашивает: «Господи, каковы Твои повеления? Какова моя роль в утверждении Твоего Царства? Чего Ты хочешь от меня?» Трудно представить зрелого христианина, который бы ни разу не столкнулся с этими захватывающими вопросами.

Будучи христианином около пятидесяти лет и посвятив свое основное призвание изучению богословия, я осознаю, что практический вопрос о воле Божьей весьма часто не дает мне покоя. Со-

мневаюсь, что проходит хоть две недели без того, чтобы я серьезно не задался вопросом: делаю ли я то, чего Бог хочет от меня на этом этапе жизни? Этот вопрос важен для каждого из нас. Он требует ответа — и потому мы должны разобраться: «Как познать волю Божью для нашей жизни?»

Практический вопрос о том, как познать волю Божью для нашей жизни, не может быть решен сколько-нибудь точно без предварительного понимания воли Божьей в целом. Без проведенных нами различий поиск воли Божьей рискует вернуть нас в безнадежное смятение. Ища волю Божью, мы должны прежде всего спросить себя: какую именно волю мы стремимся обнаружить?

Если мы хотим проникнуть в сокровенные аспекты Его воли, мы пускаемся в безнадежное предприятие — пытаемся достичь недостижимого и гонимся за невозможным. Такое стремление является не только безрассудством, но и дерзостью. В самом реальном смысле сокровенная воля Бога нас не касается и закрыта для наших умозрительных исследований.

Неисчислимы злодеяния были совершены над народом Божиим беспринципными богословами,

стремившимися исправить или вытеснить ясное учение Священного Писания теориями, основанными на одних лишь догадках. Исследовать разум Бога там, где Он хранит молчание, — поистине опасное дело. Лютер выразил это так: «Мы должны держать перед взором Его слово и оставить в стороне Его непостижимую волю, ибо мы должны руководствоваться Его словом, а не Его непостижимой волей».

В некотором смысле христиане вправе искать волю Бога через просвещение Духом Святым и через обстоятельства, которые подтверждают, что мы на правильном пути. Однако, как мы убедимся, поиск провиденциального водительства всегда должен быть подчинен изучению открытой воли Бога. В этом поиске нам также предстоит разобраться с противоречиями, которые возникают при *сопоставлении* человеческой воли и предопределения. Прежде чем обратиться к таким практическим вопросам, как призвание и брак, мы должны встретиться лицом к лицу с острыми проблемами свободы воли и предопределения. Мы рассмотрели, что представляет собой воля Бога. Что же тогда с волей человека? Как они соотносятся между собой? И в конечном счете насколько свободен человек?

Глава вторая

Смысл воли человеческой

Термин «свободная воля» применительно к человеку нередко используют легкомысленно — с весьма смутным пониманием его смысла или вовсе без такового. На самом деле единой теории свободной воли человека не существует: есть множество конкурирующих и зачастую противоречащих друг другу взглядов на нее.

Вопрос о свободной воле человека осложняется тем, что рассматривать его необходимо в свете того, как воля функционировала до и после грехопадения Адама. Особенно важно то, как грехопадение повлияло на нравственные выборы человека.

Августин дал церкви глубокий анализ состояния свободы, которой Адам обладал до грехопадения.

Его классическое понятие свободы различало четыре возможности:

1. *posse peccare* — способность грешить
2. *posse non peccare* — способность не грешить
3. *non posse peccare* — неспособность грешить
4. *non posse non peccare* — неспособность не грешить

До грехопадения Адам обладал как способностью грешить (*posse peccare*), так и способностью не грешить (*posse non peccare*). Однако ему недоставало возвышенного состояния неспособности грешить, которым обладает Бог (*non posse peccare*). Неспособность Бога грешить основана не на каком-то внутреннем бессилии, но на полном отсутствии в Нем самого желания греха. Поскольку это желание совершенно чуждо Богу, у Него нет никаких оснований избирать грех.

До грехопадения Адам не обладал нравственным совершенством Бога, но и не был лишен способности воздерживаться от греха (*non posse non peccare*). В период своего испытания в саду он мог как грешить, так и не грешить — и избрал первое, ввергнув тем самым человеческий род в погибель.

В результате первый грех Адама перешел на всех его потомков. Примечательно, что первородный грех указывает не на первый грех как таковой, но на наказание Бога за это первое преступление. Вследствие него человеческая природа впала в состояние нравственной испорченности, которое само по себе отчасти является судом Бога. Когда мы говорим о первородном грехе, мы имеем в виду падшее человеческое состояние, отражающее Божий суд над человеческим родом.

Состояние человека после грехопадения

Христиане расходятся во взглядах на глубину и последствия грехопадения. Однако почти повсеместно признается, что человек стал падшим существом. Августин усматривал глубину этого падшего состояния в утрате человеком изначальных сил праведности. Человек более не обладает способностью не грешить: в падшем состоянии его проблема — в неспособности удерживаться от греха (*non posse non peccare*). В грехопадении было утрачено нечто глубоко существенное для нравственной свободы.

Августин утверждал, что в своем состоянии до грехопадения человек обладал как свободной волей (*liberum arbitrium*), так и нравственной свободой (*libertas*). После грехопадения человек по-прежнему сохраняет свободную волю, но утратил нравственную свободу.

Пожалуй, наиболее глубокое исследование вопроса о свободной воле падшего человека — эпохальный труд Джонатана Эдвардса «О свободе воли». Эдвардс и Августин расходятся в терминологии, но по существу говорят об одном. Эдвардс проводил различие между *естественной* и *нравственной способностью* к свободе. Естественная способность касается сил действия и выбора, которыми мы наделены по природе: способности мыслить, ходить, говорить, есть и так далее. Человеку недостает естественной способности летать, жить под водой или впадать в спячку на месяцы без пищи. У нас может быть желание летать — но нам недостает необходимого природного оснащения. Наша свобода имеет встроенное ограничение, определяемое пределами наших природных способностей.

Падший человек по-прежнему обладает естественной способностью и природными задатками,

чтобы делать нравственный выбор. Он по-прежнему может мыслить, чувствовать и желать — все необходимое для выбора в нем сохраняется. Чего лишен падший человек — так это нравственного расположения, желания и влечения к праведности.

Другими словами, человек по-прежнему способен избирать то, что хочет, но лишен желания истинной праведности. Он *естественно свободен*, но *нравственно порабощен* своими испорченными и нечестивыми желаниями. И Эдвардс, и Августин утверждали: человек по-прежнему свободен избирать, однако, будучи предоставлен самому себе, он никогда не изберет праведности — именно потому, что не желает ее.

Эдвардс пошел на шаг дальше. У человека сохраняется не только способность, но и некая внутренняя *необходимость* избирать в согласии со своими желаниями. Мы не только *можем* избирать то, что хотим, — мы *неизбежно* избираем то, что хотим. Здесь и раздается закономерное возражение: не является ли тогда свободный выбор иллюзией? Если мы *неизбежно* избираем то, что избираем, — в каком смысле такой выбор можно назвать *свободным*?

Если мы вольны избирать лишь то, чего желаем, а желаем лишь зла, — о какой свободной воле вообще можно говорить? Именно поэтому Августин разграничивал свободную волю и свободу: падший человек по-прежнему обладает свободной волей, но утратил свободу. Именно поэтому Эдвардс настаивал: мы сохраняем естественную свободу — но утратили нравственную.

Зачем вообще говорить о свободе, если мы способны избирать только грех? Суть вопроса — в соотношении между выбором и желанием, или расположением. Тезис Эдвардса в том, что мы всегда избираем в согласии с сильнейшей склонностью в данный момент. Мы не только *можем* избирать в соответствии со своими сильнейшими желаниями — мы *неизбежно* избираем именно так. В этом и заключается суть свободы: я способен избирать то, что хочу, когда хочу этого.

Но если я *неизбежно* поступаю определенным образом, мои действия в каком-то смысле предопределены. А если они предопределены — в чем же моя свобода? Классический ответ: определение моего выбора исходит изнутри меня самого. Суть свободы — *самоопределение*. Свобода утрачивается

лишь тогда, когда выбор навязывается извне. Способность избирать то, что я хочу, посредством самоопределения не устраняет свободу воли — напротив, она ее утверждает.

Выбор проистекает из желания

Избирать в соответствии с сильнейшим желанием просто означает, что у каждого сделанного мной выбора есть причина. Эдвардс определил волю как «разум, совершающий выбор». Сам выбор является следствием, требующим предшествующей причины — обнаруживаемой в расположении или желании. Если у каждого следствия есть причины, то и у каждого выбора они тоже должны быть. Если причина находится вне меня — я являюсь жертвой принуждения. Если внутри — мой выбор определен мной, то есть это свободный выбор.

Вдумаемся в тезис Эдвардса о том, что мы всегда избираем в согласии со склонностью, которая преобладает в нас в определенный момент времени. Представьте самый незначительный выбор, который вы могли бы совершить в течение дня. Допустим, вы приходите на собрание и занимаете

место с левой стороны — третье от конца в четвертом ряду. Почему именно это место? Войдя в зал, вы, скорее всего, не занимались тщательным анализом своих предпочтений и не составляли в уме схему размещения. Решение было принято быстро — почти без сознательной оценки, с ощущением полной спонтанности. Но означает ли это, что у вашего выбора не было причины? Возможно, вам привычно и удобно сидеть слева. Возможно, вас привлекла близость друга или удобный выход. В подобных ситуациях разум столь стремительно взвешивает множество факторов, что реакции кажутся нам спонтанными. Истина же в том, что нечто внутри вас вызвало желание сесть именно там — иначе ваш выбор оказался бы следствием без причины.

Возможно, ваш выбор места определялся обстоятельствами, находившимися вне вашего контроля. Возможно, выбранное вами место было единственным свободным в зале — так что выбора, казалось бы, и не было вовсе. Но так ли это? Оставалась возможность стоять в задней части зала. Оставалась и возможность вовсе покинуть собрание. Вы заняли единственное доступное место, потому что

желание сидеть оказалось сильнее желания стоять, а желание остаться — сильнее желания уйти.

Рассмотрим более показательный пример. Предположим, по дороге домой вы встречаете грабителя, который приставляет пистолет к вашей голове и говорит: «Кошелек или жизнь». Что вы делаете? Уступая его требованию, вы становитесь жертвой принуждения — и все же в каком-то смысле осуществляете свободный выбор. Принуждение состоит в том, что грабитель жестко сужает ваши возможности до двух. Но элемент свободы сохраняется: у вас по-прежнему есть два варианта, и вы выбираете тот, который желаете больше всего в данный момент. При иных обстоятельствах у вас не было бы ни малейшего желания отдавать деньги недостойному преступнику. Однако еще меньше вы желаете умереть от его пули. Даже при столь скудном выборе вы по-прежнему выбираете в согласии с желанием, которое преобладает в вас в данный момент. Мы всегда делаем то, чего на самом деле хотим больше всего.

Некоторые возразят: Библия учит, что мы не всегда делаем то, чего хотим. Апостол Павел скорбел в седьмой главе Послания к Римлянам о том,

что доброе, которого хотел, не делает, а злое, которого не хотел, делает. Это горестное сетование, казалось бы, полностью опровергает тезис Эдвардса о связи выбора и желания. Однако Павел не давал аналитического описания причинно-следственной связи между желанием и выбором — он выражал глубокое отчаяние, порожденное сложным переплетением желаний, раздирающих человеческую волю.

Мы существа со множеством желаний, многие из которых находятся в острейшем противоречии друг с другом. Как христианин, я имею глубокое желание угождать Христу и достигать праведности. Но это желание послушания не является ни совершенным, ни чистым: ежедневно оно борется с иными желаниями моей греховной природы. Если бы у меня не было противоборствующих желаний, я никогда бы не был непослушен. Если бы единственным — или наисильнейшим — желанием было непрестанно повиноваться Богу, я никогда бы намеренно не грешил против Него. Однако бывают времена, когда желание грешить пересиливает желание повиноваться — и тогда я грешу. Когда же желание повиноваться берет верх —

я воздерживаюсь от греха. То, что я в итоге выбираю, яснее всего показывает глубину моих желаний.

Желание, подобно аппетиту, непостоянно. Сила наших желаний колеблется от дня ко дню, от часа к часу и от минуты к минуте — подобно волнам прилива и отлива. Человек, сидящий на диете, испытывает приступы голода в разное время суток, и они всякий раз разной силы. Легко решить соблюдать диету, когда сыт. Равно легко решить быть праведным в разгаре глубокого молитвенного переживания. Однако мы существа с переменчивыми настроениями и мимолетными желаниями, не достигшие того постоянства воли, которое дается неизменностью благочестивых желаний. Пока в сердце не утихает конфликт желаний и сохраняется аппетит ко греху, человек не является вполне свободным — ни в нравственном смысле, о котором говорил Эдвардс, ни в том смысле полноты свободы, который описывал Августин.

Выбор как спонтанный акт

В противовес августиновскому взгляду на свободную волю существует классическая концепция,

описывающая выбор сугубо в категориях спонтанности. Согласно ей, воля свободна не только от внешних сил принуждения, но и от какого-либо внутреннего управления со стороны расположения или желания. Выбор в определенный момент совершается свободно в том смысле, что никакая склонность и никакое предшествующее расположение не направляет его и не влияет на него. Можно с уверенностью утверждать, что именно этот взгляд на свободную волю господствует в западной культуре — и именно его имел в виду Кальвин, когда заявил: «Свободная воля — это слишком громкий термин по отношению к человеку». В основе своей эта концепция предполагает, что человек способен делать выбор, являющийся следствием без каких-либо причин, — иными словами, что способность человека производить следствие без причины превосходит даже творческую силу всемогущего Бога. Более того, при таком взгляде нарушается основное правило причинности: *ex nihilo, nihil fit* — «из ничего ничего не возникает». Подобное понимание свободы противоречит не только Писанию, но и здравому смыслу.

Понимать свободу как сугубо спонтанный выбор, не управляемый никаким предшествующим желанием, — значит лишать свободу какого-либо нравственного значения. Если я действую без предшествующего мотива или склонности к праведности, в каком смысле мое действие вообще можно назвать нравственным? Такая деятельность была бы лишена разума и мотива — случайный поступок, не несущий никакой нравственной ценности.

Остается и более глубокий вопрос: возможно ли подобное спонтанное действие в принципе? Если воля не склоняется ни вправо, ни влево, как она могла бы вообще что-либо избирать? Воля без расположения страдает полным параличом. Это подобно ослу, перед которым поставлены охапка сена и ведро овса при совершенно равной склонности к обоим. Говорят, что в таких обстоятельствах осел умирает от голода перед изобильным угощением, потому что не способен выбрать между двумя вариантами.

Практическую проблему классического взгляда на свободу поднимает поведенческая психология. Если человек свободен и действует по своему усмотрению, не означает ли это, что при полном

знании его желаний его поступки в различных обстоятельствах были бы совершенно предсказуемы? В каком-то смысле — да. Однако ни один гений, не обладающий всеведением Бога, не способен знать все сложные факторы, которые человеческий разум учитывает при принятии решений.

Вместе с психологами мы признаем, что предпочтения и склонности во многом формируются опытом и окружением — и все же с уверенностью предсказать поступки того или иного человека невозможно. Скрытые переменные в сложном составе человеческой личности делают ее непредсказуемой. И тем не менее остается фактом: у наших действий всегда есть основание, за нашим выбором стоит причина. Эта причина коренится отчасти в нас самих, отчасти в силах, действующих вокруг нас и вопреки нам.

Определение свободы

Наиболее надежный путь — определить свободу так, как это делали отцы церкви, в частности Августин: «способность избирать то, чего мы хотим». Суверенная власть Бога не упраздняет это

измерение человеческой личности, но, несомненно, распространяется и на него.

Из жестких форм детерминизма исходит крик отчаяния: «Если сложные факторы, составляющие личность, полностью определяют то, что я выбираю — какова ценность самосовершенствования или стремления к праведности? Если моя воля порабощена моими желаниями и наклонностями, есть ли у меня надежда когда-либо вырваться из тисков греховного поведения, столь разрушительного для моей жизни?»

В подлинном смысле освящение предполагает радикальное преображение внутреннего «я». Мы не жертвы слепых сил, управляющих нашей судьбой. Как разумные существа, мы способны предпринимать усилия для изменения желаний своих сердец и наклонностей своих умов.

Важно помнить, что желание — это не фиксированная и неизменная энергия в наших душах. Наши желания постоянно меняются. Механизм греха можно описать предельно просто: в момент, когда я грешу, я желаю греха сильнее, чем желаю угождать Богу. Любовь ко греху в момент острого вожделения пересиливает любовь к послушанию.

Вывод очевиден: чтобы преодолеть силу греха, необходимо либо ослабить желание греха, либо усилить желание повиноваться Богу.

Что мы можем предпринять для таких перемен? Мы можем посвятить себя прилежному исследованию Божьего закона. Дисциплинированное изучение помогает обновить наши умы, вооружая нас более глубоким пониманием того, что угодно и что неужодно Богу. Обновление ума — это и есть библейское определение духовного преобразования.

Ум и воля неразрывно связаны между собой, как отметил Эдвардс. Более глубокое осознание того, насколько наш грех отвратителен Богу, способно изменить наше отношение ко греху. Нам следует исполнять библейское повеление сосредотачиваться на всем, что истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно. Пожалуй, сложно ожидать, что человек в разгаре острого вожделения сможет усилием воли переключиться на чистые мысли — изменить желания в тот момент крайне трудно. Однако, когда он бодрствует, он может перестроить свой ум, наполнив его возвышенными и святыми мыслями о Боге. В итоге он может

укрепить расположение своего сердца к Богу и ослабить тяготение падшей природы ко греху.

Нам не нужно сдаваться поверхностному жесткому детерминизму или поведенческой психологии, повергающих нас в отчаяние. Писание побуждает нас совершать свое спасение «со страхом и трепетом», зная, что не только мы прилагаем средства благодати собственными усилиями, но и Сам Бог действует в нас, производя необходимые перемены для уподобления нас образу Своего Сына (Флп. 2:12–13; 1:6).

Суверенность Бога и свобода человека

Каково же соотношение воли человека и суверенности Бога? Пожалуй, древнейшей дилеммой христианской веры является кажущееся противоречие между суверенностью Бога и свободой человека. Если понимать человеческую свободу как автономию — то есть право делать все, что угодно, без каких-либо ограничений и без подотчетности воле Бога, — мы вынуждены признать, что свободная воля противоречит Божественной суверенности. Эту дилемму нельзя замалчивать, называя ее

тайной: нужно внимательно рассмотреть все значение этого понятия. Если свободная воля означает автономию — Бог не может быть суверенным. Если человек совершенно и абсолютно свободен поступать по своему усмотрению — суверенного Бога быть не может. Если же Бог совершенно суверенен — ни одно из Его созданий не может быть автономным.

Теоретически возможно, что есть различные существа, каждое из которых свободно в той или иной мере, но ни одно из которых не является суверенным. Степень свободы при этом определялась бы уровнем власти, авторитета и ответственности каждого существа. Однако мы живем не в такой вселенной. Есть суверенный Бог — абсолютно свободный. Моя же свобода всегда имеет пределы, всегда ограничена Его суверенностью. Я волен поступать по своему усмотрению — но если моя свобода вступает в противоречие с предопределяющей волей Бога, исход не вызывает сомнений: Божий замысел восторжествует над моим выбором.

Это утверждение повторяется столь часто, что превратилось почти в безоговорочно принятую аксиому в христианских кругах: суверенность

Бога никогда не может нарушать свободу человека — то есть суверенная воля Бога никогда не может превзойти человеческую свободу. Эта мысль граничит с богохульством, если не переступает его черту: в ней содержится идея о том, что суверенность Бога ограничена человеческой свободой. Если бы это было так, суверенным был бы человек, а не Бог — Бог же оказывался бы скован и ограничен силой человеческой свободы. Это богохульственный вывод, поскольку он возносит создание до уровня Творца, умаляя славу, величие и честь Бога. Согласно Писанию, человек свободен, но его свобода никогда не может нарушить или превзойти суверенность Бога.

Я и мой сын — свободные нравственные существа, каждый наделен волей. Однако, когда он был подростком и жил в моем доме, его воля чаще ограничивалась моей, нежели моя — его. Я обладал большим авторитетом и большей властью — и потому располагал более широким пространством свободы. Так обстоит дело и в наших отношениях с Богом: Его власть и авторитет бесконечны, и Его свобода никогда не ограничивается человеческим волеизъявлением.

Никакого противоречия между суверенностью Бога и свободой воли человека не существует. Те, кто усматривает здесь противоречие или говорит о неразрешимой тайне, неверно понимают саму эту тайну. Подлинная тайна, касающаяся свободной воли, состоит в другом: как ее использовал Адам до грехопадения.

Рассмотрим грех Адама

Если Августин был прав в том, что Адам до грехопадения обладал как способностью грешить, так и способностью не грешить, и был сотворен без какой-либо предшествующей склонности ко греху, — тогда возникает вопрос: «Как вообще было возможно для такого создания сделать шаг в сторону зла?» Позвольте представить вам несколько объяснений, которые предлагали в прошлом.

Первое предположение: Адам пал, потому что был одурачен коварством сатаны и просто не ведал, что творит. Основанием для этой гипотезы служит библейский акцент на хитрости дьявола. Сатана был способен соблазнить Адама и Еву, запутав их мысли, — а значит, слабость наших прародителей

была не нравственной, а интеллектуальной. Однако картину усложняет то обстоятельство, что Писание отнюдь не изображает Адама и Еву полностью одурманенными своим противником: напротив, они прекрасно знали, что Бог позволил и что запретил, и не могли сослаться на незнание как на оправдание своего преступления.

Бывают случаи, когда незнание прощительно — а именно когда его никоим образом нельзя преодолеть. Такое незнание Римско-католическая церковь справедливо называет «непреодолимым»: оно освобождает от обвинения в нравственном проступке. Однако библейское повествование исключает этот вариант в случае Адама и Евы: Бог произносит над ними суд. Если только этот суд не был произвольным или нравственно неправомерным, мы вынуждены заключить, что содеянное Адамом и Евой было непрощительным. Праведный Бог не наказывает за преступления, которые *следовало бы простить*, — да и вообще подобные преступления, по существу, преступлениями не являются.

Второй вариант: сатана вынудил Адама и Еву нарушить повеление Бога. Это известное нам всем

оправдание: «Дьявол заставил меня это сделать». Однако если сам сатана действительно насильственно принудил их преступить закон Бога, мы вновь обнаружили бы оправдание их действий: они поступали бы без разумной меры свободы, что по меньшей мере освобождало бы их от нравственной вины. Подобная теория противоречит ясному учению библейского текста, который не дает ни малейшего намека на какое-либо принуждение со стороны сатаны.

Писание неизменно возлагает всю ответственность и вину на самих Адама и Еву. Они совершили зло. Их выбор был злым. Но почему они так поступили?

Если мы применим анализ выбора, общий для Августина и Эдвардса, к Адаму до грехопадения, то столкнемся с неразрешимой дилеммой. Если бы Адам был сотворен с совершенно нейтральным расположением — без какой-либо склонности к праведности или ко злу — мы уперлись бы в тот же рациональный тупик, который Эдвардс указывает для падшего человека. Воля без предрасположенности не имела бы мотивации для выбора, а без мотивации не могло бы быть и самого выбора.

Даже если бы такой выбор был каким-то образом возможен, он не имел бы никакого нравственного значения.

Остаются две другие альтернативы: либо Адам был сотворен с предрасположенностью ко злу, либо только с предрасположенностью к добру. Оба варианта упираются в каменную стену. Если Адам был сотворен с предрасположенностью ко злу, это бросает ужасную тень на характер Бога: выходит, Он сотворил человека с влечением ко злу, а затем наказал его за осуществление той самой предрасположенности, которую Сам в него вложил. По существу, это сделало бы Бога творцом человеческого нечестия. Каждая страница Священного Писания отвергает подобный тезис, поскольку он перенес бы вину с человека на Самого Бога, Который всесовершенно благ. И все же многие принимают именно этот вариант, повторяя путь первого человека — Адама, оправдывавшего себя перед Творцом: «Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел» (Быт. 3:12). Люди от Адама и до наших дней демонстрируют свое падшее состояние, пытаясь переложить вину на Творца.

Третий вариант: Бог сотворил человека с расположением исключительно к праведности. Но тогда мы имеем следствие без достаточной причины. Как возможно, чтобы создание, наделенное склонностью исключительно к праведности, избрало нечестивый поступок?

Другие попытки постичь тайну греха Адама

Я питаю врожденную антипатию к диалектическому богословию — богословию, провозглашающему красоту противоречий и бессмысленных утверждений. Поэтому мне приходится собраться с духом, чтобы согласиться с одним неоортодоксальным богословом в вопросе о происхождении греха Адама. Карл Барт называет грех Адама «невозможной возможностью» — и этим указывает на совершенно необъяснимую тайну его преступления: то, что было рационально невозможным и немислимым, все же произошло и остается для нас подлинной и непроницаемой тайной.

Предпринимались и другие попытки найти более изощренный ответ на тайну беззакония. Например, что грех Адама, подобно всякому греху,

представлял собой лишение, повреждение или отрицание чего-то изначально доброго. Адам был сотворен с доброй нравственной предрасположенностью — его влечения и желания были неизменно добрыми, и можно было бы ожидать, что его поступки окажутся столь же добрыми. Однако предполагается, что в сложном переплетении нравственных выборов добрая воля порой может быть направлена в злую сторону и обращена во зло. Наивысший пример такого искушения ко злу — искушение Иисуса, второго и нового Адама.

Во время искушения Иисуса в пустыне сатана пришел к Нему в разгар длительного поста. Можно с достаточной уверенностью предположить, что в тот момент Иисус испытывал сильнейший голод — естественное человеческое желание, не несущее в себе ничего нравственно предосудительного. Вместе с тем Иисус желал повиноваться Богу через этот акт самоотречения. Когда сатана предложил Ему превратить камни в хлеб, он апеллировал к совершенно естественному желанию Иисуса. Но желание повиноваться Отцу было в Нем глубже желания вкусить пищи — и, ведомый всесовершенно праведным желанием, Он преодолел искушение.

Теория же такова: возможно, именно нечто доброе послужило причиной падения Адама — нечто, само по себе доброе, но способное быть направленным в злую сторону соблазном сатаны. Такое объяснение делает грехопадение несколько более понятным, но и его нельзя назвать полным. Оно не объясняет самый важный вопрос: как доброе желание могло исказиться и взять верх над обязательством повиноваться Богу? В какой-то момент до совершения преступления Адам должен был желать непослушания Богу сильнее, чем послушания, — и именно здесь грехопадение уже фактически произошло: само желание действовать против Бога в непослушании уже является грехом.

Как именно свободная воля Адама привела его к грехопадению — этот вопрос я охотно уступаю более компетентным богословам. Но если возложить вину на ограниченность человека — значит, в конечном счете, возложить ее на Бога, Который создал человека именно таким. Согласно Писанию, этот вопрос был и всегда будет нравственным. Творец дал человеку повеление не грешить, но тот выбрал грех — не потому, что Бог или кто-либо

другой принудил его к этому, но по собственному желанию.

Исследовать вопрос о том, *почему* человек согрешил, — значит вступать в область глубочайшей тайны. Пожалуй, все, что нам остается, — признать реальность нашего греха и нашу ответственность за него. Хотя мы не можем в полноте его объяснить, мы знаем о нем достаточно, чтобы исповедоваться в нем. Нам никогда не следует приписывать причину нашего греха Богу или занимать какую-либо позицию, освобождающую нас от нравственной ответственности, которую Писание ясно возлагает на нас.

Некоторые критиковали христианскую веру за неспособность дать удовлетворительный ответ на вопрос о грехе. Однако с тем же вопросом сталкиваются и другие религии. Некоторые из них отвечают на него, просто отрицая реальность зла: удобный, но абсурдный выход. Только христианство не уклоняется от реальности греха и открывает путь спасения от его последствий.

Христианский ответ на проблему греха коренным образом отличается от того, что предлагают другие религии, — он сосредоточен в личности

и деле Иисуса Христа. Через Его совершенную жертву, способную изгладить грехи верующих, мы стали праведными перед Богом. Однако обретенная праведность не дает разрешения на своеволие. Мы по-прежнему призваны исполнять предписывающую волю Бога — особенно когда приходится прокладывать путь сквозь нравственные, этические и социальные дилеммы нашего времени.

Завершив рассмотрение богословских аспектов воли Бога и воли человека, мы переходим к двум оставшимся темам: воле Бога относительно нашего призвания и нашего семейного положения. Оба вопроса занимают центральное место в нашей личной жизни. Что можно сказать о воле Бога и воле человека в отношении этих важнейших сфер? В следующих главах я предложу практические ориентиры для принятия решений в этих областях.

Глава третья

Воля Божья и ваше призвание

Во время знакомства с новыми людьми, обычно задают три вопроса: «Как вас зовут?», «Откуда вы?» и «Чем вы занимаетесь?» Именно третий вопрос и составляет предмет этой главы.

«Чем вы занимаетесь?» — это вопрос о роде занятий, карьере или призвании человека. Людям хочется знать, чем мы зарабатываем на жизнь.

Всем нам знакома пословица: «Делу время — потехе час». Мы понимаем, что жизнь — это нечто большее, чем работа. Мы уделяем время отдыху, сну, играм и другим занятиям, не являющимся частью нашего основного дела. И все же работа занимает в жизни столь значительное место и поглощает столько времени, что мы склонны понимать

собственную идентичность именно через призму своего труда.

Кем бы мы ни были, мы — существа, вовлеченные в труд. Таков был замысел творения: Сам Бог есть Бог трудящийся. С самого начала Он возложил на наших прародителей ответственность труда. Адам и Ева были призваны возделывать и хранить сад, нарекать имена животным и владычествовать над землей через ответственное управление ею. Все это требовало времени, сил и ресурсов — иными словами, это была работа.

Порой мы впадаем в ошибку, считая работу наказанием, наложенным Богом вследствие грехопадения. Между тем работа была дана до грехопадения. Бесспорно, после него она обрела дополнительное бремя: среди добрых растений, которые мы возделываем, появились тернии и волчцы, и труд совершается в поте лица нашего. Все это — часть наказания за грех. Но сам труд был частью славной привилегии, дарованной мужчине и женщине при творении. Понять собственную человечность, не осознав центральной важности труда, невозможно.

Большинство из нас проводит ранние годы жизни в подготовке к своему основному делу. Чуткий

христианин понимает: в своей работе он несет ответственность за вклад в Царство Божье, за исполнение Божественного повеления, за служение живому Богу на пути святого призвания. Такой человек кровно заинтересован в том, чтобы через свой труд служить Богу наилучшим образом.

Призвание и профессия

Идея призвания основана на богословской предпосылке Божественного призвания. Само слово «призвание» восходит к корню «зов». В нашем секулярном обществе религиозный смысл этого термина почти утрачен. Я буду употреблять его в первоначальном смысле: Божественный зов, святое призвание к исполнению задачи или обязанности, которую Бог возложил на нас. Вопрос, с которым христиане постоянно сталкиваются, звучит так: «Исполняю ли я Божью волю относительно своего призвания?» Иными словами: «Посвятил ли я свою жизнь тому, чего хочет от меня Бог?» Здесь вопрос воли Бога становится предельно практическим — он касается того измерения жизни, которое заполняет большую часть нашего времени

бодрствования и сильнее всего влияет на формирование личности.

Библия учит тому что Бог призывает. Мир был сотворен через зов всемогущего Творца: «“Да будет свет”, и стал свет» (Быт. 1:3). Бог призывает Свой народ к покаянию, обращению и членству в Его семье. Сверх того, Он призывает нас служить Ему в Его Царстве, наилучшим образом используя дарованные нам способности и таланты. И все же остается вопрос: «Как узнать, в чем состоит мое конкретное профессиональное призвание?»

Одна из великих трагедий современного общества в том, что при огромном и сложном рынке труда с бесчисленным множеством карьерных возможностей системы образования склонны готовить нас к весьма ограниченному кругу профессий. Когда я заканчивал школу и поступал в колледж, все вокруг только и говорили о специализации и профессиональной карьере. Тогда казалось, что каждый второй хочет стать инженером. Автоматизация 1950-х годов открывала тысячи выгодных должностей в этой области, и студенческие городки были наводнены молодыми людьми, жаждавшими получить инженерную степень.

Я также помню избыток инженеров на рынке труда в 1970-х годах. Ходили истории о людях с докторскими степенями в области инженерии, получавших пособие по безработице или мывших посуду в местном кафе — просто потому, что инженерных вакансий не хватало. То же самое происходило со специалистами в области образования: должностей становилось все меньше, претендентов — все больше. Положение усугублялось вводящими в заблуждение публикациями и советами консультантов, направлявших людей в уже насыщенные сферы труда.

В начале XX века выбор профессии был значительно проще: подавляющее большинство американских детей готовилось к жизни в сельскохозяйственном труде. Сегодня в сельском хозяйстве занято около двух процентов населения — разительное сокращение одной профессии, открывшее двери для огромного числа других.

Обретение призвания

Вопрос призвания становится особенно острым на двух важных этапах жизни. Первый — период

поздней юности, когда человеку необходимо определить, какие навыки и знания ему следует приобрести. Некоторые первокурсники вынуждены выбирать специализацию уже в первый год обучения, еще не зная ни имеющихся возможностей, ни пределов своих способностей.

Второй период — середина жизни, когда человека настигают разочарование, ощущение неудачи или неудовлетворенность нынешней работой. Он спрашивает себя: «Не потратил ли я жизнь впустую? Обречен ли я навсегда на работу, которую нахожу бессмысленной?» Подобные вопросы красноречиво свидетельствуют о том, что консультирование по вопросам призвания занимает одно из первых мест в пастырском служении, уступая лишь консультированию по вопросам брака.

Немаловажно и то, что профессиональное разочарование — одна из главных сопутствующих причин семейных конфликтов и разлада. Поэтому к вопросу призвания необходимо подходить с большой тщательностью — как на ранних этапах юношеского становления, так и позднее, когда дает о себе знать ощущение жизненного тупика.

Проблема распознавания своего призвания сосредоточена главным образом вокруг четырех вопросов:

1. Чем я *могу* заняться?
2. Что мне *нравится* делать?
3. Что я *хотел бы* уметь делать?
4. Чем мне *следует* заняться?

Последний вопрос способен принести немало мучений чуткой совести. Чтобы ответить на него, необходимо рассмотреть три предыдущих, поскольку они неразрывно связаны с конечным: «Чем мне следует заняться?»

Чем я могу заняться? Трезвая оценка своих способностей, умений и склонностей — решающая и основополагающая часть процесса выбора призвания. Нам необходимо честно спросить себя: «Какие у меня способности? К чему я подготовлен?»

Можно возразить, что Моисей и Иеремия оба возражали против Божьего призвания, утверждая, что не подготовлены для порученной задачи. Моисей ссылаясь на ограниченные ораторские

способности, Иеремия напоминал Господу о своей молодости. Оба получили от Бога обличение за попытку уклониться от Божественного призвания под предлогом собственной неспособности.

Ни Моисей, ни Иеремия не имели полного представления о том, чего потребует возложенное на них призвание. Моисей говорил, что ему недостает ораторских способностей, но Бог приготовил Аарона, чтобы восполнить этот недостаток. От Моисея требовалось быть послушным лидером; публичные выступления можно было поручить другому. Бог, несомненно, принял во внимание дары, способности и склонности Моисея прежде, чем призвал его.

Нам необходимо помнить, что Бог — совершенный Управитель. Он действует с высшей мудростью, призывая людей в соответствии с теми дарами и талантами, которые Сам им дал. Стратегия же сатаны — направлять христиан на те должности, для которых у них нет ни способностей, ни умений. Он весьма искусен в том, чтобы обрекать христиан на неэффективность и бесполезность.

Чем я могу заняться? На этот вопрос можно ответить с помощью тестов на профессиональную

пригодность, анализа своих сильных и слабых сторон и трезвой оценки прошлых достижений. Способности поддаются измерению — в нашем обществе для этого существуют весьма изощренные инструменты. Нам необходимо знать пределы своих возможностей.

Люди нередко претендуют на должности, к которым совершенно не подготовлены. Особенно — и особенно прискорбно — это проявляется в церкви и смежном христианском служении. Некоторые горячо стремятся к полновременному служению, не имея при этом ни способностей, ни даров, которых оно требует. У человека может быть академическая подготовка для пасторского служения, но не хватать управленческих навыков или умения работать с людьми. Пожалуй, наиболее важный принцип Писания относительно способностей содержится в повелении Павла мыслить о себе трезво, не думая о себе более, нежели должно (Рим. 12:3). Трезвый взгляд на себя позволяет честно и ясно оценить, что мы можем и чего не можем, — и действовать соответственно.

У молодого человека иной вопрос: *что я хотел бы уметь делать?* Он, возможно, еще не развил

многих навыков и имеет скромный багаж образования, но осознает, что у него достаточно времени, чтобы приобрести необходимые навыки через образование или профессиональную подготовку.

На этом этапе важную роль играет понятие склонности, включающей как природные задатки, так и приобретенные способности человека. Кто-то тяготеет к конкретным, практическим вещам и совершенно равнодушен к абстрактным. Такой человек может мечтать стать философом, но куда лучшим выбором для него будет профессия механика. Впрочем, личные предпочтения все же важны — и здесь мы вступаем в ту критическую и пугающую область человеческого опыта, которую называют сферой мотивации.

Способности и мотивация

Исследования показывают, что у большинства людей есть несколько способностей, и все они делятся на два основных типа: одни привлекают человека, другие оставляют его равнодушным. Способность без мотивации — это навык или сила, которой человек обладает, но не имеет внутреннего

побуждения применять. Некоторые люди весьма хороши в определенных вещах, но не находят в них ни удовлетворения, ни удовольствия — для них это чистейшая рутина и мучение.

Я знаком с одной женщиной, которая в ранние подростковые годы прославилась мастерством в гольфе и еще подростком выиграла национальный турнир. Однако, когда пришло время переходить в профессионалы, она выбрала иную профессию — не потому что почувствовала более высокое призвание, а просто потому, что находила гольф крайне неприятным занятием. Это недовольство было плодом жесткого давления отца, во что бы то ни стало стремившегося сделать из нее искусного игрока. Повзрослев и выйдя из-под его опеки, она решила посвятить себя другому. Способность стать профессиональным игроком у нее была, но мотивации не доставало.

Можно спросить: как она вообще достигла такого мастерства, не имея внутренней мотивации? Дело в том, что мотивация у нее все же была, но основывалась на страхе перед гневом отца. Стремясь угодить ему, она дисциплинировала себя, приобретая навык, которым никогда не занялась бы по

собственной воле. Освободившись от его опеки, она направила свое стремление в другую сторону. Нравственный урок этой истории очевиден: человек, отдающий все силы способности без мотивации, — ходячий котел разочарования.

Будет справедливо отметить, что как христиане мы не всегда можем позволить себе роскошь делать лишь то, что хотим. Бог призывает нас к жертве и готовности разделить уничижение Христа. Мы живем в условиях войны — и, вступив в нее при обращении, мы будем участвовать в ней до последнего вздоха. Нам никогда не следует уклоняться от нашей великой ответственности перед Царством Божиим. Призванные быть слугами, мы призваны к послушанию — и порой это означает делать то, что нам совсем не по душе. И все же первостепенная задача в том, чтобы приводить наше призвание в соответствие с нашими желаниями, а желания — в соответствие с призванием.

Иисус, если говорить о Его человеческой природе, не хотел идти на крест — о чем свидетельствует Его страдание в Гефсиманском саду. Вместе с тем в Нем жило всеобъемлющее желание исполнять волю Отца — это было Его «пищей и питием»,

средоточием Его ревности. Когда Отец подтвердил, что Его воля в том, чтобы Сын отдал Свою жизнь, Иисус в самом глубоком смысле был внутренне готов это сделать.

Распространим понятие служения и послушания на аналогию с земной войной. Наступило время кризиса, и людей призывают на защиту Отечества. Оставляя безопасность и привычный уклад жизни, они жертвуют собой, вступая в ряды армии. Разве христиане не призваны к тому же? В каком-то смысле — несомненно. Однако в военной службе существует огромное множество должностей: одни соответствовали бы нашим желаниям и способностям, другие были бы с ними совершенно несовместимы. Даже в контексте жертвенного служения следует учитывать внутреннюю мотивацию в определении призвания.

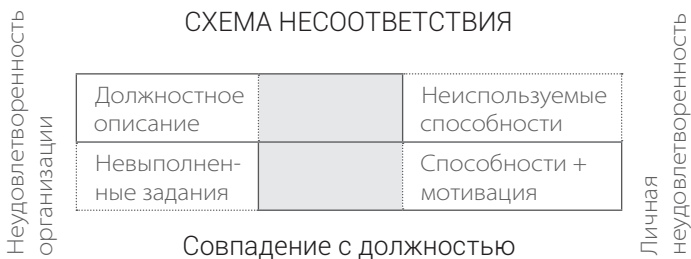
Некоторые убежденные индивидуалисты работают только на себя и не испытывают никакой нужды вписываться в организационную структуру с руководителями, начальниками и иерархиями власти. Большинство из нас, однако, осуществляет свою трудовую жизнь в рамках той или иной организации.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой *соответствия*. Отвечают ли наши должности нашим дарам, талантам и устремлениям? Совпадают ли наши желания и способности с тем, чего требует наша работа? Степень этого соответствия нередко определяет и полезность нашего вклада, и меру личного удовлетворения. Когда личные желания расходятся с должностными обязанностями, страдают многие. Прежде всего страдает сам человек, вынужденный трудиться на месте, которое ему не подходит. Как правило, он менее эффективен и менее производителен и создает трудности для окружающих, поскольку его разочарование выплескивается наружу и отравляет атмосферу в коллективе.

Некоторые из нас достаточно «освящены», чтобы выполнять порученные задачи без всякой внутренней мотивации, столь же искусно, как и более желанные. Однако люди, достигшие такого уровня, составляют абсолютное меньшинство. Исследования снова и снова показывают: люди склонны делать то, к чему их тянет, — независимо от должностных обязанностей. Иными словами, они тратят большую часть времени и сил на то, что хотят делать, а не на то, чего в действительности требует

работа. Подобное распределение времени и энергии может обойтись организации весьма дорого.

Приведенные ниже таблицы наглядно иллюстрируют взаимосвязь между паттернами способностей и мотивации человека и требованиями его должности. Они заимствованы из материалов организации *People Management*, расположенной в штате Коннектикут, которая помогает людям распознать собственные паттерны способностей и мотивации, а организациям — согласовать дарования и устремления сотрудников со своими потребностями и целями. Подобный подход применим не только в светской сфере, но и в жизни церкви и в области священного призвания.

Блок в верхнем левом углу представляет должностное описание сотрудника — перечень задач, не-

обходимых для оптимального функционирования организации.

Блок в нижнем правом углу представляет паттерны способностей и мотивации сотрудника. Закрашенная область отражает зону соответствия должности — она явно несбалансирована. Значительная часть способностей и склонностей сотрудника остается невостребованной, порождая неудовлетворенность с его стороны. Вместе с тем значительная часть должностных обязанностей либо не выполняется вовсе, либо выполняется на низком уровне — что ведет к неудовлетворенности организации. Подобная картина несет в себе проблемы как для сотрудника, так и для организации в целом. Необходимы перемены. Следующая схема представляет идеальное соответствие между должностным описанием и паттернами способностей и мотивации сотрудника. Результат — удовлетворенность обеих сторон.

Соответствие должности и призвания

Должностное описание
Способности + мотивация

Под влиянием манихейского учения, отвергающего материальный мир, среди ранних христиан укоренилось представление о том, что единственный путь служения Богу — это жизнь, буквально устланная терниями. Предполагалось, что вступить на путь служения означает полностью отречься от себя, а подлинная добродетель в том, чтобы быть как можно более несчастным на своей работе. Однако если бы Бог действительно призывал нас посвящать себя самым неприятным занятиям, Он был бы олицетворением худшего из руководителей.

Священное Писание рисует совершенно иной образ Божьего управления. Бог созидает нас в единое тело сообразно нашим способностям и желаниям. Он наделяет даром каждого из Своего народа — и вместе с даром вкладывает желание и внутреннее побуждение употреблять его в дело.

Чем нам следует заниматься?

Это подводит нас к последнему и главному вопросу: «Чем мне *следует* заняться?» Самый практичный совет, который я могу дать, — делать то,

на что указывает ваш паттерн способностей и побуждения: то, что вы способны делать с высокой степенью внутренней мотивации. Если то, чем вы хотели бы заняться, может послужить Господу, — вам непременно следует это делать.

Здесь действует одно важнейшее ограничение: предписывающая воля Бога. Если бы желанием какой-либо женщины была проституция, а способностью с великим побуждением какого-либо мужчины — грабить банки, профессиональные цели пришлось бы в корне пересмотреть. Реализация подобных желаний поставила бы этих людей в прямое противоречие с предписывающей волей Бога.

Если бы мы тщательно исследовали глубинные причины таких желаний, мы, вероятно, обнаружили бы исходные побуждения, которые можно было бы с пользой направить в русло богоугодных занятий. Нам необходимо не только соизмерять свои способности и желания с законом Божиим, но и удостоверяться в том, что избранное призвание имеет Его благословение.

Нет ничего предосудительного в том, чтобы посвятить свою жизнь медицине, ведь мы видим, какое благо она приносит, облегчая страдания.

Мы также понимаем, что мир нуждается в хлебе насущном, а потому призвание пекаря — для того, кто имеет к этому и способность, и мотивацию, — есть богоугодное дело. Сам Иисус провел многие годы Своей жизни не в проповеди и учении, но в труде плотника — мастера законного ремесла. В те годы Иисус был всецело подчинен Божьей воле.

Любое призвание, отвечающее нуждам Божьего мира, может быть названо Божественным. Я подчеркиваю это ввиду распространенной в христианских кругах склонности считать, что лишь те, кто посвящает себя служению на полную занятость, живут в согласии с Божественным призванием, — как будто проповедь и учение являются единственными законными задачами, к которым Бог нас призывает. Беглое чтение Библии обнаруживает несостоятельность подобного взгляда. Храм в Ветхом Завете был возведен не только благодаря мудрому руководству Соломона, но и благодаря мастерству тех, кого Бог наделил даром резьбы, валяния и прочих ремесел.

Призвание Давида как пастуха, Авраама как торговца, Павла как изготовителя палаток — все

это было частью Божьего замысла об искуплении мира. Когда Бог сотворил Адама и Еву, ни один из них не был призван к роли штатного служащего церковной структуры — в сущности, они были призваны быть земледельцами.

Призвание — это то, что мы получаем от Бога; Он призывает нас. Он может призвать нас иначе, чем призвал Моисея, явившись в горящем кусте и дав конкретные повеления. Как правило, Он дает нам внутреннее призвание, наделяя определенными дарами, талантами и стремлениями. За всем этим, несомненно, действует Его невидимая суверенная воля, которая подготавливает нас к плодотворному труду в Его винограднике.

Внешнее призвание от людей

Наряду с внутренним призванием Божьим существует и внешнее призвание к труду, исходящее от людей, которые обращаются к нам с просьбой о служении ради их конкретной миссии или цели. Церковь может призвать нас стать проповедниками, организация — мастерами или экспедиторами. Всякий раз, когда организация публикует

объявление о вакансии, звучит человеческий призыв: способных работников приглашают использовать свои дары и таланты для восполнения существующей нужды.

Некоторые христиане утверждают, что нужда сама по себе уже есть призвание: в мире есть нужда в благовестниках — а значит, каждый должен быть благовестником. Я согласен с тем, что при выборе призвания необходимо принимать во внимание нужды Царства Божьего. Однако сам по себе факт, что мир нуждается в благовестниках, не означает, что каждый призван быть благовестником. Новый Завет ясно говорит: не все призваны быть проповедниками или управителями — церковь состоит из людей с различными дарами, талантами и призваниями. Не следует делать упрощенный вывод о том, что нужда равнозначна призванию.

Там, где есть нужда, народ Божий призван искать способы ее восполнить. Однако это не значит, что все без исключения, в том числе и те, кому недостает нужных дарований, обязаны братья за это дело. Например, участие в деле благовестия — долг каждого христианина, но призвание благовестника — не для всех. Я не считаю себя благовестником, хотя

и участвую в этом деле: время от времени рассказываю Евангелие неверующим, преподаю богословие тем, кто несет этот труд, и поддерживаю их служение материально, чтобы имеющие дар и внутреннее побуждение могли быть призваны, обучены и посланы в мир. Это мой вклад в общее дело Тела Христова — пусть и не на передовой благовестия. Подобное можно сказать о любом другом призвании.

Как окружающие влияют на наше призвание? Нам действительно необходимо прислушиваться к общине верующих и к близким друзьям. Порой наши дары и способности виднее тем, кто находится рядом, нежели нам самим. Советы многих и оценка сообщества — важные ориентиры в поиске призвания. Вместе с тем здесь необходима осторожность: мнение группы — это не истина в последней инстанции. То, что кто-то видит нас на определенном месте, еще не означает, что именно туда нас призывает Бог.

Был в моей жизни период, когда я оставался без работы шесть месяцев подряд. За это время поступило пять предложений о работе — из пяти разных городов. Пятеро разных друзей подходили ко мне и с искренним и горячим убеждением

заверяли, что Бог хочет, чтобы я принял каждое из этих предложений. Получалось, что Бог хочет, чтобы я одновременно работал на пяти должностях и жил в пяти городах сразу. Я мягко объяснил друзьям, что, хорошо зная собственные немощи, дара вездесущности в себе пока не обнаружил. Кто-то из них явно ошибался. Противостоять подобному давлению мне дается нелегко — особенно когда человек искренне убежден, что знает волю Божью для твоей жизни. Все мы оказывались в такой ситуации. Поэтому важно, с одной стороны, внимательно прислушиваться к тем, чьему суждению доверяешь, — а с другой, научиться отличать добрый совет от чужих корыстных интересов.

В итоге я принял шестое предложение — то самое, с которым никто не приходил ко мне среди ночи с посланием от Бога. Я был убежден, что именно оно соответствует моим способностям и тому делу, которое необходимо было сделать.

Учитывайте предвидимые последствия

Есть еще одно соображение — его нередко упускают из виду, хотя оно имеет первостепенное

значение: предвидимые последствия выбранной работы. Принимать предложение о работе исключительно из-за денег или места жительства — трагическая ошибка. Признаюсь: при прочих равных условиях я был бы не прочь получать миллион долларов в год, преподавать богословие и жить в краю с мягким климатом круглый год. Сейчас я преподаю богословие во Флориде — но до миллиона мне далеко. В какой-то момент пришлось честно ответить себе на вопрос: что важнее — деньги или призвание? Местом моей жизни стало место моего служения.

Решения, связанные с работой, имеют как краткосрочные, так и долгосрочные последствия. Вспомним Авраама и его племянника Лота, живших и трудившихся бок о бок в Земле обетованной. Когда между их пастухами вспыхнул конфликт, стало ясно: земли нужно разделить. Авраам великодушно предоставил Лоту право первого выбора.

Лот окинул взглядом бесплодные нагорья и перевел взор на плодородную долину у городских стен. Расчет был очевиден: тучная земля, близость рынка, хороший доход. Лот выбрал лучшее — и Авраам получил то, что осталось. С точки зрения

скотовода — безупречное решение. Но Лот не задал себе главных вопросов: «Где будут расти мои дети? Где моя семья будет поклоняться Богу?» Город, который он выбрал, назывался Содом. Для пастбища — идеальное место. В ближней перспективе все складывалось хорошо, но годы жизни в Содоме обернулись катастрофой.

Насколько наш профессиональный выбор согласуется с остальными обязанностями, которые лежат на нас? Тот, кто выбирает работу исключительно ради денег, места жительства или положения в обществе, сам закладывает фундамент будущего разочарования.

Многое из того замешательства, которое мы испытываем в вопросах работы, развеялось бы, если бы мы честно ответили себе на один простой вопрос: «Чем бы я занялся, если бы не нужно было считаться с ожиданиями близких?» Полезен и другой вопрос: «Чем бы я хотел заниматься через десять лет?» Эти вопросы стоит задавать себе снова и снова — даже тогда, когда, казалось бы, место в жизни уже найдено. И не стоит забывать об обетовании Слова Божьего: Дух Святой наставит нас на всякую истину — а значит, Он не оставит

нас без водительства и в том, что касается нашего призвания.

Предопределяющая воля Бога в нашем профессиональном пути не всегда открыта нам с ясностью. Но Его предписывающую волю познать куда легче — и мы должны исполнять ее везде, чем бы мы ни занимались.

Чего же Бог ждет от нас в нашем труде? Мы призваны быть солью для мира, охваченного тлением, и светом среди тьмы. Мы призваны быть верными управителями тех даров и талантов, которые Он нам вверил, — быть честными, терпеливыми, трудолюбивыми и преданными своему делу, не соглашаясь ни на что меньшее, чем совершенство. Да поможет нам Бог соответствовать тому высокому призванию, которое Он определил для каждого из нас.

Глава четвертая

Воля Божья в браке

Наряду с работой есть еще одна тема, которая неизменно занимает умы и сердца людей, — наше брачное положение. Вступать в брак или оставаться безбрачным?

Едва ли найдется другая область жизни, в которой христиане отдают столько сил принятию решений. Оно и понятно: выбор в сфере брака определяет слишком многое. От того, как человек воспринимает свое брачное положение, во многом зависят его удовлетворенность жизнью, способность приносить плод и то, как он видит самого себя. Вся серьезность брака открывается нам, когда мы задумываемся вот о чем: человек, который знает нас лучше всех, перед которым мы совершенно открыты и беззащитны и который сильнее всего

влияет на нашу жизнь, — это наш супруг. Именно поэтому к браку нельзя подходить легкомысленно — никому и никогда.

Прежде чем задаться общим вопросом «Воля ли Божья для меня — вступить в брак?», необходимо разобраться с рядом более конкретных вопросов.

Стоит ли мне вступать в брак?

Долгое время этот вопрос не требовал ответа — он казался излишним. Большинство из нас с детства впитывает убеждение, что брак — естественная и неотъемлемая часть нормальной жизни. Белоснежка и сказочный принц, шекспировские влюбленные, герои фильмов и сериалов — все они транслируют одно и то же: так устроена жизнь, так и должно быть. Те, кто не оправдывает это ожидание, нередко живут с навязчивым ощущением, что с ними что-то не так, — особенно люди традиционного склада.

В прежние времена неженатый тридцатилетний мужчина автоматически вызывал подозрения. Незамужняя женщина того же возраста молчаливо считалась либо ущербной, либо с нетрадиционной ориентацией. Ничего этого в Священном Писании нет.

С библейской точки зрения, безбрачие — в том смысле, который Писание вкладывает в жизнь неженатых и незамужних, — вполне законный выбор, а в ряде случаев и прямо предпочтительный. Господь благословил брак, и Он же явил нам Своим примером выбор безбрачия — очевидно, в покорности воле Отца. Христос остался безбрачным не потому, что Ему недоставало чего-то, необходимого для семейной жизни. Причина в другом: Его предназначение исключало этот путь. Он должен был без остатка посвятить Себя приготовлению Своей невесты — Церкви — к грядущему брачному торжеству.

Наиболее важное библейское наставление относительно безбрачия дано апостолом Павлом в пространном отрывке из Первого послания к Коринфянам:

” *Что же касается дев, то повеления Господня я не имею, но подаю мнение, как получивший от Господа милость быть верным. Итак, вот что полагаю хорошим по настоящей нужде: хорошо человеку быть так. Связан ли ты с женой, не ищи расторжения; свободен ли ты от жены — не ищи жены. Но если*

и женишься, не согрешишь; и если выйдет замуж дева, не согрешит. Но скорби по плоти будут они иметь, а я оберегаю вас. Но вот, что я говорю, братья: время коротко, впредь пусть и имеющие жен будут, как не имеющие, и плачущие, как не плачущие, и радующиеся, как не радующиеся, и покупающие, как не владеющие, и пользующиеся миром, как не пользующиеся, ибо проходит образ мира сего.

А я хочу, чтобы вы были без забот. Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женившийся заботится о мирском, как угодить жене; и он разделен. И женщина незамужняя и дева заботится о Господнем, чтобы быть святой и телом и духом; а вышедшая замуж заботится о мирском, как угодить мужу. Это я говорю для вашей же пользы, не для того, чтобы накинуть на вас петлю, но ради благоприличия и с тем, чтобы вы неотступно пребывали с Господом.

Если же кто почитает неприличным для своей девы, чтобы она перешла возраст, — а тому должно быть, — пусть делает то, что он хочет: он не грешит; пусть они женятся. Но кто непоколебимо тверд в своем сердце, не имея нужды, и властен над своим желанием, и рассудил в сердце своем блюсти

свою деву, — тот хорошо поступит. Поэтому, кто женится на своей деве, хорошо поступает, а кто не женится, лучше поступит. Жена связана, доколе жив муж ее. Если же умрет муж, она свободна выйти замуж, за кого хочет, только в Господе. Но она блаженнее, если пребудет так, согласно моему мнению. А думаю, что имею и я Духа Божия (1 Кор. 7:25–40, Кассиан).

Учение Павла о браке нередко понимают превратно. Некоторые усматривают в данном тексте противопоставление, будто безбрачие есть благо, а брак — зло. Но стоит внимательнее вчитаться — и становится ясно: речь идет не о противостоянии блага и зла, а о выборе между двумя благами. В одних обстоятельствах лучше остаться безбрачным; в других — вступить в брак, и это тоже хорошо и вполне законно. Павел честно говорит о трудностях, с которыми сопряжен брак для христианина, и напоминает, что нужды Царства Божьего не перестают предъявлять свои требования — в том числе и к семейной жизни.

Пожалуй, нигде вопрос о безбрачии не вызывал столь острых споров, как в Римско-католической церкви. Протестанты давно возражают: обязывая

духовенство к безбрачию без прямого основания в Писании, церковь впадает в законничество. Писание не запрещает служителю быть женатым, однако честно признает, что семейный человек неизбежно оказывается между двух огней: долг перед семьей тянет в одну сторону, долг перед церковью — в другую. Беда в том, что споры вокруг обязательного безбрачия нередко толкали протестантов в противоположную крайность: безбрачие отвергалось ими как нечто заведомо неприемлемое. Павел же, проводя различие между двумя соперничающими благами, оставляет выбор за каждым человеком.

При этом Павел нисколько не умаляет брак. Напротив, он утверждает то, что было установлено еще при творении: брачный союз освящен Богом. Вступить в брак — не грех. Это законный, достойный и почетный путь для христианина.

Просто бумажка?

Вопрос «Стоит ли мне вступать в брак?» имеет еще одно измерение помимо выбора между браком и безбрачием. Нужно ли паре оформлять от-

ношения официально или достаточно просто жить вместе? За последние десятилетия совместное проживание без регистрации брака стало в нашей культуре нормой. Христианам следует остерегаться выстраивать свое понимание брака по меркам современного общества. Для христианской совести мерилom является не то, что принято в обществе или разрешено законом, а прежде всего то, что освящено Богом.

К сожалению, некоторые христиане отвергают саму идею официального оформления брака. Брак, по их мнению, — это личное дело двух людей, и никакие юридические формальности здесь ни к чему. Никакой церемонии, никаких документов — только взаимная договоренность. Именно эту позицию нередко озвучивают священнослужителям, ссылаясь на свободу во Христе: «Зачем нам подписывать какую-то бумажку?»

Подписать свидетельство о браке — не то же самое, что поставить подпись под пустой формальностью. Это неотъемлемая часть того, что Библия называет заветом. Завет заключается открыто — перед свидетелями, с принятием конкретных правовых обязательств, которые общество воспринимает

со всей серьезностью. За этим стоит защита обоих супругов: если один причиняет вред другому, закон встает на сторону пострадавшего. Договоры возникли по необходимости — как ответ на грех, укоренившийся в нашей падшей природе. Мы способны причинять друг другу огромную боль, и правовые договоры призваны сдерживать эту склонность и защищать невинного. Принимая обязательство перед другим человеком, я становлюсь уязвимым — открываю себя для причинения боли с его стороны. И нет в человеческой жизни ничего, что делало бы нас более уязвимыми, чем брак.

Правила, которые Бог установил для брака, — это не произвол и не суровость. Это забота. Его закон рожден любовью и состраданием к падшим людям. То, что Бог ограничивает сексуальную близость рамками брака, не делает Его ханжой. Секс — это радость, которую Он Сам сотворил и подарил человечеству. Но Он также знает в Своей бесконечной мудрости, что в момент наибольшей близости человек наиболее уязвим. Поэтому Он ограждает этот сокровенный акт определенными условиями, говоря каждому из нас: открыться другому по-настоящему безопасно лишь тогда, когда за

этим стоит пожизненное обязательство — твердое и несомненное. Между таким обязательством, произнесенным вслух перед родными, друзьями, церковью и государством, и тихим обещанием на заднем сиденье автомобиля — целая пропасть.

Хочу ли я вступить в брак?

В седьмой главе Первого послания к Коринфянам Павел пишет: «Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я. Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться» (ст. 8–9). Здесь речь идет не о выборе между хорошим и плохим, а между хорошим и лучшим. Образ разжигания — это не огонь наказания в аду, а страсти той самой биологической природы, которую Бог вложил в нас. Павел говорит без обиняков: не все созданы для безбрачия. Брак — вполне достойный и законный выбор даже для тех, кто ищет в нем прежде всего освобождения от сексуального напряжения и искушения.

Вопрос «Хочу ли я вступить в брак?» кажется очевидным, но он очень важен. Библия не запре-

щает брак, а благословляет его, оговаривая лишь отдельные случаи, когда он может войти в противоречие с призванием. Да и в этих случаях брак остается открытой возможностью. Желание вступить в брак — доброе и естественное желание, и человек вправе ему доверять.

Если это желание есть — нужно действовать. Человек, ищущий работу, активно изучает рынок и рассматривает предложения. Абитуриент исследует разные учебные заведения и подает заявления. С браком все устроено так же: никакого особого знака свыше с именем будущего супруга нам не обещано.

Именно здесь христиане особенно легко попадают в ловушку сказочного мышления. В частности, многие молодые незамужние женщины искренне убеждены: если Богу угодно, чтобы они вышли замуж, Он сам все устроит — пришлет суженого на парашюте или приведет принца на белом коне прямо к порогу.

Незамужние женщины — особенно в прошлых поколениях — сталкивались с одной мучительной проблемой: негласное общественное правило разрешало мужчине активно искать жену, тогда

как женщина, открыто ищущая мужа, рисковала прослыть назойливой или даже распущенной. Но в Библии нет ни слова о том, что женщина, желающая выйти замуж, должна сидеть сложа руки. Ничто не мешает ей самой искать подходящего спутника жизни.

За годы служения мне не раз приходилось консультировать незамужних женщин, которые приходили с твердым убеждением: замуж они не хотят — просто пытаются принять безбрачие, которое, как им кажется, предназначил им Бог. Но стоило задать несколько вопросов — и что-то менялось. Женщина начинала плакать и вдруг говорила: «Но я ведь на самом деле хочу выйти замуж». Когда я предлагал ей конкретные и вполне разумные шаги, в ее глазах появлялось изумление — как будто я только что разрешил ей то, что было под запретом. Табу нарушено.

Искать спутника жизни нужно — но с умом и решимостью. Это означает вполне конкретные вещи: бывать там, где собираются незамужние и неженатые люди, участвовать в мероприятиях, которые дают возможность узнать других христиан, не состоящих в браке.

Иаков не сидел и не ждал, пока Бог пришлет ему невесту. Он отправился в долгое путешествие на родину — туда, где у него был шанс встретить достойную спутницу жизни. То, что он был мужчиной, ничего не меняет: этот путь открыт не только для мужчин. Женщина в нашем обществе вправе так же целенаправленно искать себе мужа.

Чего я хочу от супруга?

В христианской среде живет один устойчивый миф: хороший брак — это союз двух людей, полностью отрешившихся от себя ради другого. Самоотрешенная любовь подается как фундамент счастливой семейной жизни. За этим мифом стоит доля правды: эгоизм действительно разрушает браки. И библейское понимание любви действительно не оставляет места для эгоизма — ни в браке, ни в любых других отношениях. Но противоядие от эгоизма — не самоотрешенность.

Идея самоотрешенности уходит корнями в азиатскую и греческую философию, где высшая цель человека — раствориться во вселенной, утратив всякую самобытность. Стать каплей в безбрежном

океане. Слиться с Мировой Душой, перестав быть собой. Библия смотрит на это иначе: цель человека — не уничтожение личности, а ее искупление. Гнаться за самоотрешенностью в браке — значит гнаться за миражом. Подлинный брак требует живого, деятельного «я», ведь это союз двух личностей, которые веряют себя друг другу и служат друг другу именно как личности.

Если бы самоотрешенность действительно была идеалом брака, выбирая супруга, я должен был бы искать того, ради кого готов от себя отречься. Но именно этого в поиске спутника жизни не происходит и не должно происходить. Выбирая супруга, человек ищет того, кто обогатит его жизнь и поможет ему стать собой в полной мере, и кто сам будет обогащен этим союзом.

Какие качества в будущем супруге действительно важны? Одно простое, но полезное упражнение, которое помогло многим парам, строится на свободном воображении. Искать спутника жизни — не то же самое, что выбирать автомобиль, и все же аналогия работает. Когда человек покупает машину, он выбирает из множества моделей, и к каждой прилагается почти бесконечный список опций.

Представьте, что супруга можно заказать по собственному проекту, с любыми желаемыми качествами. Стоит составить список из ста и более пунктов — совместимость в работе и досуге, взгляды на детей, нужные навыки, внешность, — и скоро станет очевидно, насколько это занятие бесплодно. Такого человека просто не существует в природе.

Особенно полезно это упражнение тем, кто затянул с браком. Такие люди нередко незаметно для себя входят в привычку придирааться, и любой потенциальный партнер оказывается «не тем» по той или иной причине. Упражнение помогает выйти из этого тупика: составив исходный список, человек начинает его сокращать — сначала до двадцати пунктов, потом до десяти, наконец до пяти. Это простое, но жесткое упражнение заставляет наконец разобраться в себе: что на самом деле важно, а что — нет.

Прежде чем вступить в брак, важно ясно понять, чего ты ожидаешь от отношений — и в период ухаживания, и в самом браке. Не менее важно разобраться, насколько эти ожидания здоровы. Все это подводит нас к следующему вопросу — о консультировании.

У кого следует искать совета?

Многие раздраженно отмахиваются от самой идеи советоваться с кем-то при выборе супруга. Разве это не сугубо личное дело? Да, личное — но с далеко идущими последствиями для самой пары, их будущих детей, родных и друзей. Брак никогда не остается только частным делом: то, как он складывается, так или иначе затрагивает очень многих. Поэтому искать совета не только можно, но и нужно — у близких друзей, пасторов и особенно у родителей.

В прежние времена браки устраивались семьями или сватами. Сегодня это кажется нам дикостью — мы твердо убеждены, что право выбирать того, кого любим, принадлежит только нам.

И все же в пользу устроенных браков можно кое-что сказать. Начнем с того, что счастливый брак возможен, даже если человек не сам выбирал себе супруга. Звучит, возможно, дерзко, но я в этом убежден: если библейские принципы последовательно воплощаются в жизнь, практически любые два человека способны построить счастливый брак и прославить волю Бога в своих отношениях. Это может быть не то, что мы предпочли бы, но это достижимо

для тех, кто готов трудиться. Кроме того, устроенные браки нередко основывались на трезвой оценке совместимости и стремлении уберечь людей от союзов, губительных для обоих. Предоставленные сами себе, люди с определенными слабостями могут тянуться друг к другу, совершенно не осознавая опасности. Классический пример — мужчина с глубокой потребностью в опеке и женщина с такой же глубокой потребностью опекать: их взаимное притяжение может привести к взаимному разрушению. Такое происходит в нашем обществе каждый день.

Я не призываю возрождать устроенные браки. Я лишь хочу сказать: родительский совет в этом решении может оказаться бесценным. Родители порой возражают против выбора своего ребенка — и за этим нередко стоит простая убежденность: «Нет никого, кто достаточно хорош для моего сына или дочери». В лучшем случае это завышенные ожидания, в худшем — мелочная ревность. Но далеко не все родители грешат подобными предубеждениями. Бывает, что они видят в своем ребенке то, чего тот сам в себе не замечает — его слабые и уязвимые места, скрытые тенденции. В том же примере с человеком, которому нужна опека, и человеком,

которому нужно опекать, — проницательный родитель способен распознать эту ловушку раньше, чем захлопнется дверь. Если родитель возражает — важно не отмахнуться, а понять почему.

Когда я готов вступить в брак?

Итак, совет получен, ожидания осмыслены и проверены. Окончательное решение — за нами. Но именно здесь многие вдруг теряются: как понять, что ты действительно готов? Мудрость требует серьезной добрачной подготовки, чтобы войти в эти отношения осознанно, с открытыми глазами. В мире, где так много браков распадается, все больше молодых людей боятся сделать шаг — боятся потенциального провала. Иногда нам нужен мягкий, но твердый голос близкого человека, который просто скажет: пора.

Что нужно учесть, прежде чем принять решение? Во-первых — финансовая сторона. Деньги — вернее, их нехватка — способны сломить отношения, которые и без того несут немалую эмоциональную нагрузку. Именно поэтому родители нередко советуют молодым подождать: сначала закончить учебу, найти работу, встать на ноги.

В установлении о браке, данном при сотворении, есть примечательные слова: мужчина оставит отца и мать и «прилепится» к жене, и станут они «одной плотью». За этим образом — «оставить и прилепиться» — стоит способность создать новую, самостоятельную семью. И здесь финансовая зрелость нередко оказывается решающим критерием готовности.

Но брак — это несравнимо больше, чем новые расходы и обязательства. Это самый серьезный шаг, который два человека могут сделать навстречу друг другу. Готов к браку тот, кто готов связать свою жизнь с конкретным человеком — навсегда, что бы ни случилось.

Чтобы понять волю Бога относительно брака, нам нужно внимательно взглянуться в Его предписывающую волю. Новый Завет не оставляет сомнений: Бог не просто установил и освятил брак — Он им управляет. Его заповеди касаются самых разных сторон супружеской жизни. Лучший учебник о браке — Священное Писание: в нем открыта Божья мудрость и Его правила для этих отношений. Тот, кто искренне хочет жить в браке по воле Бога, должен начать именно отсюда — глубоко

и серьезно изучить, что Писание говорит о требованиях Бога к супружеству.

Чего Бог ждет от Своих детей — уже состоящих в браке или только думающих о нем? Прежде всего, верности, взаимного восполнения нужд и взаимного уважения под владычеством Христа. Супруги призваны укреплять и умножать друг в друге плоды христианского свидетельства. Там, где этого нет, — что-то пошло не так.

Безбрачие не менее почетно, чем брак, и все же наши образцы — Адам и Ева. Бог задумал их союз как пожизненное единство двух личностей, через которое земля должна была наполниться потомством.

Я не могу и не стану предписывать волю Бога кому-либо в этой области — точно так же, как не делаю этого в вопросе призвания. Скажу лишь: хороший брак — это плод упорного труда и готовности трудиться день за днем.

То, что происходит в нашей жизни, в конечном счете сокрыто в тайне Божьей воли. Но для нас, как Его детей, эта тайна не страшна — она наполнена ожиданием, жизнью в согласии с Его принципами и Его водительством, и обетованием: Он с нами во веки.

«Лигоньер» — это международное служение, посвященное христианскому ученичеству, которое было основано Робертом Спролом в 1971 году. Миссия «Лигоньер» — возвещать, разъяснять и защищать учение о Божьей святости во всей его полноте среди всех народов. Логотип «Библиотека Лигоньер» стал знаком доверия во всем мире и на многих языках.

Руководствуясь Великим Поручением, «Лигоньер» издает ресурсы для ученичества по всему миру в печатном и цифровом форматах. Вы можете найти наши проверенные книги, статьи и видео уроки, которые были переведены на более чем 50 языков. Мы желаем служить Церкви Иисуса Христа, помогая христианам лучше понять, во что они верят и на чем основывается их вера, а также как им жить согласно своей вере и как делиться ей с другими.

RU.LIGONIER.ORG

Можем ли мы познать Божью волю?

Христиане призваны жить так, чтобы угодить Богу, — что бы ни происходило вокруг. Но когда мы стоим перед важными жизненными решениями, неизбежно возникает вопрос: чего Бог хочет от нас?

В этой брошюре доктор Роберт Спрол объясняет, как познавать и исполнять Божью волю в повседневных решениях. Он также показывает, как это работает на практике — например, при выборе профессии или супруга.

Серия брошюр доктора Спрола «Ключевые вопросы» предлагает краткие ответы на важные вопросы, которые часто задают христиане и вдумчивые ищущие люди.

Доктор Роберт Спрол был основателем служения Лигоньер, пастором-основателем церкви Святого Андрея в Сан-форде, штат Флорида, и первым президентом Реформатского Библейского колледжа. Написал более ста книг, в том числе известный труд «Святость Бога».

